

Владимир Мищенко

16+

Записки дворянина

Владимир Мищенко

Записки дворянина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48637452

SelfPub; 2019

Аннотация

Военному профессионалу невозможно долго сидеть дома. А это значит – новые приключения, новые опасности. И неизвестно, где и кем ты окажешься на этом пути – пропоют тебе за упокой или прославление, как новому королю.

Исторический роман, где не приврать – и рассказа не написать

Многие ли из нас могут рассказать о своих предках, живших лет семьсот или восемьсот тому назад? Как ни печально, но мои правнуки, по моей скромности и отсутствию значительных подвигов, даже не будут знать моего имени. Как, собственно, и я их (здесь мы в расчёте). Но лично я, так уж получилось, знаю о своих далёких (по временной шкале) чуть больше некоторых. Эти некоторые – истинные потомственные дворяне, но их теперь осталось очень мало, потому как часть из них умерла по старости, а часть – просто казнили или погибли на многочисленных войнах. Остались подобные мне – потомственные, но получившие эту привилегию не по принадлежности ко двору какого-то исторического князя или вождя, а по причине воинских заслуг своих предков. Вспоминая бабушкины рассказы на уровне баек, прямо семейная сага, я знаю, что давным-давно, в старые-престарые времена отряд из пяти кораблей – драккаров викингов спускался по своим делам по одной из славянских рек. На первом драккаре плыл, прошу прощения, шёл на веслах конунг со своим родным братом-ярлом. Ярл был ранен и умирал. С неделю назад его ранили стрелой. Серьёзно – перебили артерию. Но и стрела, видимо, была чем-то смазана, т.к. ему становилось всё хуже и хуже. И вскоре конунгу

пришлось искать стоянку и просить помощи у этих славян, на которых совсем недавно он смотрел лишь как на добычу. В приречном городище их приняли, приняли как гостей, а ярла – на спокойное дожитие оставшихся дней. Жила в том городище вдовушка – мать двух сыновей. Её мужем был сотник, а если выразаться на современный манер, т.е. по-иностранному, центурион. Должность и чин по тем временам солидный. И чтобы не было зазорно для ярла – родственника самого конунга, поселили его в избе этой вдовушки. Думали, не больше седмицы проживёт этот викинг, да нет, одна прошла, другая, а живёт басурман. Живуч оказался. Как потом узнали, не только боевым топором он хорошо махал, но и другими частями тела, потому как через год с небольшим родился у вдовушки ещё один сын, такой же блондин с позолотой, как спелая пшеница, как и его старшие братья. А вскоре, почитай каждый год, ещё такие же да пара девок до кучи. Располнела, конечно, лоза-девица, но и такую сильно любил ярл. Причём настолько, что когда умерла вдовушка, не прожил и недели он и умер от горя. Зависть и жадность людская, да войны разнесли братьев по земле, но не потерялись они и старались помогать друг другу. Бедны были, но отцовская кровь передавалась, и посему были они воины знатные, крепкие, умелые. Со временем появилось новое сословие – казаки, которые потом слились в Запорожскую Сечь. Вот там-то и выбрали за воинскую доблесть в войсковые полковники одного из моих дедов с вручением ему ба-

дика. Это сейчас бадик – тросточка для инвалида, а тогда это был жезл власти, доблести и славы. С тех пор и пошло, что мои деды становились, кто подполковником, кто полковником, а кто и генералом. А это, как известно, воинские звания, дающие право на дворянство с правом наследия сего чина и чести, как написано в Грамоте.

***

Мой отец не был офицером, но это не помешало ему с Божьей помощью и посредством моей матери произвести на свет меня – очередного наследного дворянина. Я сам честно и добросовестно дослужился до подполковника и по получению ранений, и в купе с ними нескольких заболеваний, был отправлен в запас. К моей радости ранения и заболевания оказались совместимы с моей жизнью, поэтому я в лёгкой депрессии оказался в моём провинциальном поместье. Натура моя, в отличие от нынешнего тела, была тогда неугомная, постоянно жаждущая чего-то нового. Обзаведясь новым знакомым – носителем, как говорят, английского (опять же, как говорят, аглицкого) языка, я стал, от скуки, его, в смысле язык, изучать, выпив при этом с этим носителем чуть ли не бочку хмельного мёду. Сильны же выпить за чужой счёт эти англичане. А чтобы не пропадала зря выпитая медовуха, решил я поехать в это самое аглицкое королевство поупражняться в речи, да проверить, что за наречие – диалекту он

меня обучил. Сказано-сделано. Поменял я свои медные, бумажные, благо не деревянные, деньги на золотые, поднабрал серебрянных и поехал. Миновал германские земли, Бельгию и через Лилль доехал до устья небольшой реки. Мне сказали, что чуть дальше, миль сорок, будет портовый город, но то земли норманнов и нанять лодку будет значительно дороже, и предложили мне по разумной цене уже сегодня отправиться в Брайтон, что на земле аглицкой. Я согласился. Мне говорили, что здесь часто бывают туманы, да и шторма не редкость. И наш день не оказался исключением. Уже часа через два небо затянуло облаками, пошёл холодный осенний дождь, резко усилился ветер. Капитан, он же хозяин лодки, сначала пытался использовать ветер во благо и на парусе добрать до берега, но, видимо, на берегу, мы мало выпили, чтобы наши желания совпали с нашими возможностями, а проще – не помолились и не попросили Господа благословить наш путь. Нас несло и несло, и не к берегу, а вдоль него на запад. Но ничто на земле не бывает вечным, кончился и шторм. Пройдя вдоль берега ещё немного, мы пришвартовались к деревянным причалам какой-то небольшой рыбацкой деревушки с развешенными для просушки сетями. Здесь я уже не совершил ошибки и громко воздал хвалу Господу, что Он нас спас и привёл в эту благословенную (очень хотелось на это надеяться) деревушку. Традиционного английского паба не нашёл, но наткнулся на довольно приличную на вид таверну. Английского спокойствия и джентльменства

я здесь тоже не увидел, но что вы хотите от простых рыбаков. Хотя откровенного хамства так же не было. Грубо сколоченные столы, лавки, в изобилии эль, жаренная и варёная рыба, жёсткое холодное мясо – неотъемлемый атрибут местных забегаловок. Смесь наречий, среди которых английские слова составляли лишь четверть да процентов десять – напоминающие германские слова. Среди моих знакомых было два остгота, от которых я набрался кое-чему, в том числе и словам. Оказывается, голландские слова имеют много слов схожих с германскими, а первыми поселенцами здесь оказались именно голландские моряки, потерпевшие крушение у этих мест.

– Ваша милость, – обратился ко мне хозяин таверны на скверном английском – по моему пониманию, – вы к нам путешествуете или по делам?

– Проездом. Но путешествую. Хочу посмотреть ваши земли – я слышал о них много хорошего.

– О, да, ваша милость, природа у нас действительно великолепная. Простите, ваша милость, но, несмотря на то, что вы богаты, мне кажется, вы хороший человек, поэтому, не сочтите за наглость, дать вам совет?

– Разумеется. Тем более, что последнее слово всё равно остаётся за мной.

– Разумеется, ваша милость. Вы приезжий человек и, очевидно, плохо осведомлены, что сейчас у нас творится. А творится здесь война, кровь, много крови. Если уж вы путеше-

ствуετε, то рекомендую вам проплыть дальше на запад миль сто. Сразу за мысом, увидите деревню и строго на север. Там вы найдёте остров, аккурат вдвое меньше нашей старой доброй Англии, но очень на неё похожий и, самое главное, тихий и спокойный. Там никто, почти, не воюет. По крайней мере, сейчас.

– Хм. А можно спросить почему?

– Ваша милость, это остров. Но это плавучий остров. Его толщина ярдов сто, а может – пятьдесят или двести. Кто знает? Его носит по волнам между нами и землями галлов. Не так давно его прибило как раз к их землям, но там сильное тёплое течение, и там он лишился огромного своего куска с южной стороны. Но, слава Одину, он вернулся в наши холодные воды и теперь обитает между нами и Исландией. Правит там формально молодой и очень простой, – вы понимаете меня? – очень простой король. Его опекуншей является его родная сестра – старая дева тридцати лет, но настолько страшная, что я не беспокоюсь о вашем целомудрии. Езжайте туда. Вы потеряете в дороге пару суток, но хорошо отдохнёте и получите удовольствие. Я рекомендую.

– Собственно, а почему бы и нет. А говорят там, на каком языке?

– Основная масса населения – ливерпульцы разбавленные йоркширскими беженцами. Не завоевателями – беженцами. Но это было уже давно.

– Понятно. Нет проблем. Вернее, одна – корабль.

– Здесь тоже нет проблем.– Корчмарь щёлкнул пальцами и к нему подбежал пацан – оборвыш, сидевший у входа в ожидании милостыни. – Это молодой джентльмен проводит вас к хозяину лодки, который доставит вас, куда вы скажете, и, заодно, донесёт вам запас еды на дорогу и бочонок моего фирменного эля.

Кто знает, что меня ждет на этом плавучем острове, но следовать через воющий остров – самоубийству подобно, а возвращаться несолоно хлебавши, вроде бы не солидно и даже обидно.

***

Путешествие на остров прошло, как и сказал корчмарь. И погода была чудесная, и ветер попутный.

Высадили меня в такой же, как родная сестра, деревеньке, и корчма была почти на том же самом месте. Стоял чудесный летний день. Жёлтым золотом покрывало землю солнце, стоящее в зените. Маленькие белые барашки стройными фалангами набегали на берег и с легких шипением превращались в грязную муть, медленно размывая илистый берег. Сюда бы с удочкой денька на два.

Таверна была пуста, за исключением пятерых мужчин непонятного возраста, но очевидными деревенскими лицами, при этом старающиеся показаться культурными. Бывшие военные, как выяснилось позже из разговора. Их же я

и нанял для сопровождения и охраны моей персоны. Свита опять же. Здесь же в таверне мы купили и ружья, которые солдаты называли мушкетами, хотя пара мушкетов, висящих у меня дома на стене, совсем на них не были похожи, а также шпаги для них. Я был вооружён саблей одного из моих дедов, что хранилась до поры в сундуке, и двух зарядным пистолетом тульского мастера.

Столица королевства находилась практически в центре острова, что было вполне логично. Вот туда мы и направились. Как сказал один опытный путешественник – желудок такая неблагодарная скотина, что, сколько его ни корми, а на завтра он опять есть требует. Поэтому уже к вечеру мы были вынуждены остановиться в очередной таверне, чтобы удовлетворить запросы этой ненасытной утробы. Мы не были святыми пилигримами, поэтому нам не надо было питаться сухим сыром, хлебом и водой. Если кто-то пробовал эту диету, то согласится со мной, какая это гадость. Благо, моё дворянское достоинство не позволяло мне так себя истязать. Место, надо отдать должное, было весьма красиво и даже романтично. Большое озеро, плакучие ивы, купающие свои ветви-руки в воде, лебеди и на берегу, прям как в моей деревне, рыбаки с длинными удилищами. Есть такое хорошее русское слово – ностальжи. Короче, решил я сделать привал на пару суток, тем паче, что я путешественник, а не командированный какой.

Утро. Поздний завтрак. Как благородному предложили

жареных скворцов, фаршированных перепелиными яйцами. Какая же это гадость. Да, опять гадость, но что я могу поделать, если это самое культурное слово, которое я знаю и могу применить в этой ситуации, хотя так сильно хочется сказать по-русски или, хотя бы, по-татарски. Мало того, что совсем нет мяса, а одни кости и косточки, так они ещё и яйца не очистили. Кошмар. В своей деревне я бы приказал высечь розгами такого повара, а здесь пришлось с глупой улыбкой кивать и говорить гут гешмект, типа очень вкусно. Правильно говорят – что англичанину хорошо, то русскому – смерть. Но ничего, в армии я ещё и не такую дрянь ел и выжил. Через огромное, в стиле модерн, окно вид на озеро. Озеро – это маленькое море, и барашки здесь не бегают отарами со стройными рядами, а разбрелись по всей поверхности, как молодые овечки. И пара лебедей уже подобны строгим сторожевым собакам, что периодически резко опускают голову, как бы наказывая особо озорливых. По тропинке, что извиистой ниткой бежит вдоль берега, медленно идёт паренёк, лет десяти-двенадцати. Не босяк – одет прилично и опрятно. А это плюс. Ещё он мне понравился тем, что откровенно скучал. Скука наполовину с грустью. До боли знакомое пакостное чувство, сопровождающее ещё более мерзопакостную депрессию. Как учёный учёного или сумасшедший сумасшедшего видят издалека, так и я разглядел его из-за своего стола. Что-то необъяснимое подняло меня и повело к нему. Всегда надо потакать таким своим первым почти

неуловимым порывам, ибо они чаще всего бывают самыми искренними и полезными. Дети – это зеркала. Глядя на него, ты можешь увидеть зябкую осень или яркое весеннее солнце, а, может, хмурые тучи. Глядя в него, ты видишь своё отражение, так как дети не научились ещё прятать свои эмоции, и на их лицах ты видишь себя настоящего, как тебя видят другие, а не так, как тебе говорят. С ребёнком может сравниться только собака. Она такая же честная, преданная и наивная. Хотя наивностью собак почти не пользуются, а вот наивность детей .... Увы, я и сам иногда бываю такой. Нет, нет, не в смысле аморалки или извращений, а в смысле.... Ну, типа

– Быстрее ешь кашу. Чем быстрее съешь кашу, тем быстрее придёт твоя мама.

Ага, щаз-з, так она и прибежала, если знает, что дитё и накормят, и напоят, и спать уложат. Обманываешь. Плачешь от жалости и несправедливости и обманываешь. А что делать, если проклятая селяви так выкручивает руки, чтобы как-то выжить, приспособиться.

Я, естественно, случайно вышел с боковой тропинки практически одновременно с этим юношей.

– Здравствуйте. – Кивнул я ему. – Хорошая погода. Люблю такую – не жарко, лёгкий ветерок. Немного грустно, но приятно. Не находите?

– Здравствуйте, сэр.– Слегка замедлив, немного удивлённым тоном ответил он.– Да, я тоже люблю такую погоду. Я люблю здесь гулять, поэтому я часто сюда приезжаю.

– А-а, так вы, молодой человек, тоже не местный? Я тоже. Путешествую. Мне в Англии похвалили эти места, и я решил посмотреть, проверить сам.

– И как, понравилось?

– Да. Весьма. Как говорит один мой знакомый – комильфо.

– Согласен.

– А вы, мне кажется, слегка грустите. Есть повод или просто настроение души?

– Скорее настроение души. Хожу, чего хочется, а сам не пойму.

– О, давайте я вас, для начала, угощу семечками.– С этими словами я достал из штанин горсточку жареных семян. – Угощайтесь.

– А что это? Я такого никогда не пробовал.

– Серьёзно? Это любимая забава на Руси, когда заняться нечем. Обычные семена подсолнечника. Это растение у вас называют проще – солнечный цветок.

– Интересно. Поэтично.

– На самом деле, название просто поясняет, что цветок всегда тянется к солнцу, даже если всё небо затянуто облаками, идет нудный осенний холодный дождь. А его шляпка всегда повернуто туда, где сейчас находится солнце. Это помогает при путешествиях не заблудиться.

– Интересно. Вы, наверное, много путешествуете. Я вам завидую.

– Не стоит. Я бывший военный. Многое из того, что я знаю, я узнал на полях сражений или в военных походах. А там, поверьте, романтики мало. Это в романах пишут красиво, а на самом деле сплошная грязь, кровь и грубость.

– Но вы-то не грубый.

– Я? Просто я давно уже на пенсии. Так уж получилось. Теперь вот путешествую.

– Завидую я вам.

– Мне? Да, я доволен своей жизнью, тем, что произошло. Как пишут в книгах – я любил и меня любили. Ну, а вам-то что. Вы, по-моему, живёте не в бедной семье. Имеете всё, что хотите или почти всё. Но, самое главное, вы молоды, хотя молодость – это такой недостаток, что слишком быстро проходит. Не успеешь оглянуться, как тебе уже дают палочку, чтобы было удобнее ходить, в кресле накрывают пледом, чтобы не озяб, сидя у камина.

– Старые люди все мудрые. Но и мне иногда хочется чего-нибудь такого, чего нет. Как пишут в книгах – полцарства бы отдал за это. Вы не обиделись на меня, что я вас цитирую?

– Я даже польщён. А чего же вы желаете такого сейчас, чтоб полцарства отдать и не жалко? Хотя... я понимаю, что это тоже шутка, потому что вы слишком юны и не сможете этого сделать по причине своей молодости. И, наверное, отсутствия такового. Но это уже мелочи.

– Сэр, в моём королевстве юридическое совершеннолетие наступает в четырнадцать лет, а мне уже больше пятнадцати.

Я уже полноправный гражданин своего Отечества.

– Хм. Впрочем, в стране иудеев совершеннолетие наступает вообще с тринадцати и ничего. Просто в моём королевстве оно наступает с шестнадцати. Поэтому я так и сказал.

– Я, собственно, так и подумал – вы ведь путешествуете и здесь недавно. А у вас, что, своё королевство?

– Нет, что вы. Моё, т.е. там, где я родился и живу.

– Понятно. Кстати, если честно и между нами, я очень хочу шоколадное печенье. Это новинка в королевстве. Эти бобы привозят к нам из далёкой Америки. Вы слышали о такой стране.– Я кивнул.– Но они закончились, а новых не привезли из-за длительного шторма. Ветер утих и я, надеюсь, корабль из Англии скоро привезёт их.

– Хм, кстати, я тоже их очень люблю. Но нам проще – шторма для России не помеха и какао бобы поставляют нам регулярно.

– Как я завидую вам.

– Мо-ло-дой человек, ждите, не теряйте надежду и верьте и всё получите. Мы – христиане, должны верить в Бога, просить Его. Когда мы начинаем верить в Иисуса Христа, мы приобретаем и весь духовный мир Христа, и наша молитва помогает нам достать это из мира духовного и сделать это осязаемой вещью здесь. А как это делается? Да какая разница. Главное – результат. Господь слышит наши просьбы, а как Он это сделает и через кого? Без разницы. Вы согласны?

– Наверное. Да. Согласен.

– Что ж, приятно было познакомиться, но мне пора. Мы с друзьями выезжаем сегодня в столицу. Побывать в стране и не увидеть столицу – нехорошо.

– Прощайте. Впрочем, если вы задержитесь в столице, то мы, возможно, там увидимся. Я тоже вскоре туда уеду.

– Буду весьма рад встрече. Честь имею.

– Прощайте, сэр.

***

Мы расстались – я пошёл к себе в комнату, а он присел на одну из лавочек, что редкими чёрными чугунными пятнышками были разбросаны вдоль берега.

– Как вам наше Величество?– спросил меня хозяин корчмы.

– В смысле?– не понял я.

– В прямом. Как вам показался наш король?

– Опа. Так это король?!

– А вы не знали?

– Откуда? Это в моей стране портреты королей штампуют и на деньгах, и на листовках, что расклеивают на стенах по праздникам. А у вас и своей валюты-то толком нет – принимаете всё, что дают. Вот те раз. Кстати, понравился. Умный, толковый. И ни грамма заносчивости или чванства. Даже и не подумаешь, что он и король.

– Вот такой у нас король.

– Кстати, любит шоколадное печенье. У вас, часом, нет такого?

– Как же, есть. Любой корчмарь или хозяин таверны должен знать вкусы своего короля и своих постоянных клиентов, иначе он плохой хозяин.

– Согласен. А не могли бы вы продать мне немного такого печенья?

– Почему нет. Мы напекли много. Специально к приезду короля.

– Буду весьма благодарен. Скажите, чтобы мне взвесили кулёчек и принесли в комнату. Пойду, переоденусь.

Зайдя в комнату, я подумал, а почему бы не поохмить и не попробовать хапнуть полцарства в придачу. Я не Иванушка – дурачёк, но всё же. Достал бумагу, перо, чернильницу – непроливашку и задумался. Хоть и хохма, но всё же королевский Указ это не хухры-мухры. Тут раздался стук.

– Ваша милость, печенье, как приказывали.

– Спасибо, служивый. Возьми деньги да на чай за усердие. Постой. Как зовут вашего короля, а то я как-то упустил это из виду?

– Король Карл Девятый, ваша милость.

– Ступай, служивый, ступай. Итак,

У К А З.

Мы, наследный король Карл Девятый, изволяем и приказываем.

За особые заслуги перед нашим Отечеством и мною, королём Карлом Девятым лично, выделить половину всего нашего королевства новому гражданину нашего королевства барону Владимиру фон Рашен, для чего незамедлительно, сразу после прочтения приступить к выделению этих земель. С этой целью посередине всего королевства установить разделительные столбики, начиная с северной оконечности королевства, включая половину нашего королевского дворца и по южную оконечность королевства включительно. Для обеспечения жизни выделить в полное и безвозвратное пользование барону Владимиру фон Рашен всю левую половину королевства и четвертую часть штатного расписания придворной знати и челяди, а также третью часть гвардейской стражи, армии и священнослужителей.

Указ вступает в силу с момента его оглашения и обжалованию или пересмотру не подлежит. На землях, переданных барону Владимиру фон Рашен, барон Владимир фон Рашен обладает всеми правами равноправного и равноценного короля.

Подписано Мною лично король Карл Девятый.

Как хорошо, что здесь джентльменская страна – ни паспорта не спрашивают, ни баронских грамот, только слово джентльмена. Я скатал сие творение в трубочку, схватил кулёк с печеньями и побежал по лестнице вниз, чтобы там превратиться в почтенного и уважаемого гражданина. На выхо-

де стояло четверо богато одетых парней лет двадцати, на которых я посмотрел уже иначе – охрана короля или королевские пажи. Надо же.

– А вот и я.– Я пытался не выйти из роли.– Я же говорил, что если очень хочется, ждать и верить, то сбудется. Помните, о чём мы с вами говорили?

– Да, о том, что я за шоколадное печенье готов полкоролевства отдать.

– О, а печенье я принёс.

– Правда!? Вы не обманываете меня?

– Что вы. Человек должен отвечать за свои слова, а я взрослый человек. Пожалуйста. Вы такие любите? Потому что, если нет, значит, нет.

Он, слегка прикрыв глаза, осторожно, как будто ампулу с ядом, надкусил краешек и немного пожевал. Его глаза распахнулись. Необычайная радость, умиление и ещё тридцать три вида наслаждения плескались в его голубых, словно отражение неба, глазках.

– Как вкусно. Это ещё вкуснее, чем готовят у меня дома. Где вы это взяли?

– О, это уже второй вопрос. Я рад, что смог вам угодить. Вы сказали, я постарался сделать и сделал.

– За такие печенья и, правда, полкоролевства не жалко.

– Вы это честно?

– Конечно. Прямо сейчас бы отдал.

– Ну, если так, то тут случайно под скамейкой лежало.

Посмотрите, пожалуйста.

Карл взял в руки моё произведение и внимательно прочитал.

– Немного не соответствует королевскому этикету, но король вправе писать так, как пожелает.

– Логично.

– А под скамейкой есть перо и чернильница?

– Мне, кажется, в этом королевстве под скамейкой можно и не такое найти. Вот, извольте.

Карл аккуратно обмакнул перо в непроливашку и изящно расписался.

– Хоть документ и недействителен, но для истории сойдёт.

– Как это недействителен?– повысил голос король.– Я действующий наследный коронованный и это моя подпись.

– Да. Но любой документ должен скрепляться печатью, а её у нас нет.

– Как это нет.– Удивился Карл.– А это что?– добавил он с улыбкой, доставая из-под отворота рубахи два мешочка.– Вот это моя королевская печать, а здесь моё королевский воск для печати. В нем специальные добавки, чтобы можно было отличить настоящее от подделки. Здорово, правда?

– Правда. Только это ваш секрет и никто не должен об этом знать.

– Ну, вы же не скажете никому?

– Нет. Обещаю. Ставьте вашу печать, ваше Величество. Ведь так вас надо называть?

– Да. Но теперь вы равны мне, и я этому весьма рад.

– Я тоже рад и, надеюсь, что мы останемся друзьями.

– А вы останетесь со мною ещё на немного?

– В принципе, да. Но мне надо это как-то отправить.

– Не беспокойтесь, ваше Величество.

– Хм, как-то непривычно это слышать в собственный адрес.

– Привыкайте.— Карл повернул голову в сторону своих ждущих придворных. Один из них достаточно быстро, но с достоинством, которое не пропьёшь, подошёл.

–Сир?

– Граф, мне нужно, чтобы вы прямо сейчас отправились в столицу и передали этот документ лично Главному Распорядителю. Там написано, что приступить к исполнению немедленно, но и на словах подтвердите это и ускорьте сами. Вы же знаете медлительность нашего двора.

– Будет сделано, ваше Величество.— Кивнув, он пошел к постоялому двору.

– Ваше Величество, позвольте мне послать с ним своего человека.

– Извольте, сэр. Это логично.

– Благодарю вас, ваше Величество. Я ненадолго отлучусь.— С этими словами я отправился на поиски моих телохранителей.

***

-Так, лежебоки. – Сказал я, открывая ногой дверь в халупу, где временно проживали мои вояки.– Ситуация резко изменилась и причём в лучшую сторону. Сейчас, кто верен мне, может резко из пешки превратиться в офицера. В шахматы играете?

– Немного.

– Тогда поймёте. Если не дураки. Но вояки с таким военным стажем дураками не бывают – просто не доживают. Короче, сейчас ты, ты и ты седлаете лошадей, падаете на хвост графу, которого сам король послал в столицу, и берёте там всё, что дадут. Ничему не удивляться, в обморок не падать. Всё берите и делайте так, как будто всегда этим занимались. И приглядывайте там, учитесь. Потом мне расскажете. Поняли?

– Нет.

– Хорошо. Тогда езжайте. С Богом. У графа свиток за подписью и печатью короля – умрите, но чтоб документ попал в столицу и его там зачитали прилюдно. Понятно? Кстати, постарайтесь не сдохнуть по дороге, мне кажется, и ваша жизнь, наконец-то, изменится. Валяйте быстрее, граф ждать не будет. Помните – уважение, но вы мои люди, и приказы выполняете только мои. Собственно, кому я говорю, ведь вы солдаты, а я ваш командир. Пошли.

Отправив во дворец своих будущих придворных, я пошёл на кухню. Когда гости такого уровня и ранга, то самое от-

ветственное место – это кухня, потому как, если еда не понравится королю, то придворные отморозки, в угоду хозяину, могут разнести всё заведение, да и незадачливому повару достанется. Я оказался прав.

– Сударь.– Окликнул я корчмаря.– Не хотел бы ты переехать вместе со своею корчмою в столицу? Король благоволил мне выделить кое-какую жилплощадь. Там и тебе место хватит.

– Ваша милость шутит?

– Отнюдь. Я абсолютно серьёзно. Твои печенья понравились королю, и король наградил меня. Не за это, конечно, но и это оказалось кстати. Я добро помню. Так поедешь со мною? Не сразу. Я там обоснуюсь, а через пару недель и подъезжай.

– Ваша милость, я благодарен за такое предложение, но я уже стар и привык к этому месту, к людям, что каждый день приходят ко мне. Спасибо, но я не поеду. А вот, если ваша милость разрешит, то я бы с радостью послал туда своего сына. Он хороший кулинар, любит и умеет готовить. Да и рецепт печенья он знает.

– Знать и уметь выпечь – разные вещи.

– Мы всё варим и печём вместе. Всё, что умею я, умеет и он.

– Да не будет ученик выше своего учителя. Знаю. Читал. Добро. Согласен. А сейчас продай мне ещё кулёчек твоего печенья, а то король сожрал всё, а я даже не попробовал.

Навали побольше. Я тоже не жадный.

С большим кульком я, довольный и с огромной улыбкой, как у того сома, что вывалили из котла на блюдо, подошёл к нынешнему собрату по несчастью – королю соседнего королевства.

– Интересно, ваше Величество, а на чьей территории мы сейчас находимся? Колышки-то пока ещё не вбили.

– На моей, ваше Величество. Моё королевство ещё миль сто пятьдесят в ту сторону будет.

– Я так понимаю, что ещё миль двести дальше мои будут?

– Нет, меньше, но с севера на юг остров чуть длиннее, чем с востока на запад.

– Это хорошо. По крайней мере, нас не протащит по Ла-Маншу вдоль Скандинавии в холодные и суровые северные моря России, и мы с вами будем оставаться добрыми соседями. Всегда буду рад принимать Вас у себя в гостях. Скажу своему повару, чтобы он узнал ваши любимые блюда.

– Не стоит. Вам отошла четверть моего Регламента. Вся моя придворная свита и дворцовая челядь разбиты на четыре равные части и обслуживают меня и весь двор по три месяца. В Англии это разбито на четыре месяца, но должно же моё королевство как-то отличаться. Верно?

– Абсолютно.

– Кстати, а как вы догадались о четверти в своём, в смысле в моём, Указе?

– Случайность. Я не хотел быть скрягой и брать много.

Мне просто были нужны люди на первое время.

– мудро. Но теперь мне, очевидно, придётся перейти на английский регламент. Ничего. По большому счёту, какая разница, ведь это не я обслуживаю, а меня.

– Тоже верно.

– Я дам вам своего обер-камергера, он будет у вас хорошим Главным Управителем. Это честный и добросовестный джентльмен и герцог.

– Благодарю вас, ваше Величество.

– Мы же с вами теперь соседи и должны помогать друг другу.

– Я запомню это, ваше Величество.

– Это желание возникает от житейской мудрости. Я уже имел возможность убедиться в вашей мудрости. Ваши знания помогают вам жить.

– Ваше Величество, у вас, очевидно, очень хорошие и мудрые учителя, поскольку и вы, при вашем относительно молодом возрасте, и поступаете, и говорите весьма мудро, достойно истинного правителя. Но хотел бы обратить ваше внимание на небольшой нюанс, на то, что наши знания, наука ведут к *фактическому* сознанию; религия, опыт, ведут к *ценностному* сознанию; философия, мудрость, ведет к *координированному* сознанию; Божественные откровения ведут к сознанию *истинной реальности*; координация сознания, которое отражает факты, ценности и истинную реальность, есть осознание реальности личности, максимальности бытия, вместе

с верой в возможность сохранения данной конкретной личности.

Знание ведет к разделению людей, порождая социальные слои и касты. Религия ведет к служению людям, создавая этику и альтруизм. Мудрость ведет к более высокому и успешному содружеству, как идей, так и людей. Божественные откровения освобождают людей, и помогает им встать на путь вечного подвига.

Наука классифицирует людей; религия любит людей – таких же, как мы; мудрость различает людей по достоинству; откровение прославляет человека и раскрывает его способность быть партнером Бога.

Наука тщетно пытается создать братство культуры; религия порождает братство духа. Философия стремится к братству мудрости; откровение отображает вечное братство – нашу вечную жизнь после смерти этой телесной плоти.

Предметом гордости знания является факт личности; мудрость есть осознание значения личности; религия есть опыт познания ценности личности; откровение есть уверенность в сохранении личности после смерти.

Наука указывает на Божество как *факт*; философия представляет *идею* Абсолюта; религия видит Бога как любящую *духовную личность*. Откровение подтверждает *единство* факта Божества, идеи Абсолюта и духовной личности Бога и, кроме того, представляет эту концепцию в качестве нашего Отца – всеобщего факта существования, вечной идеи

разума и бесконечного духа жизни.

Стремление к знанию есть наука; стремление к мудрости есть философия; любовь к Богу есть религия; жажда истины *есть* откровение. Однако именно наш внутренний Дух Божий соединяет в человеке чувство реальности с духовным постижением Бога.

В науке идея предшествует ее осознанному выражению; в религии опыт осознания предшествует выражению идеи. Существует огромное различие между эволюционной волей к вере и *волей, которая верит*, – творением просвещенного ума, религиозной проницательности и откровения.

В процессе эволюции религия часто ведет человека к созданию собственных представлений о Боге; откровение демонстрирует феномен Бога, развивающего самого человека, в то время как в земной жизни Христа Михаила мы видим феномен Бога, раскрывающего себя человеку. Эволюция стремится сделать Бога человекоподобным; откровение стремится сделать человека богоподобным.

Наука удовлетворяется только первопричинами, религия – верховной личностью, философия – единством. Откровение утверждает единство и благотворность всех трех. *Вечная реальность* есть благо вселенной, а не ложные временные представления о пространственном зле. В духовном опыте всех личностей извечна истина о том, что реальное является добром и что добро реально. Поэтому и нам надо смотреть на всех глазами Бога, т.е. через призму любви и всепроще-

ния. Но, разумеется, к тем, кто способен на покаяние.

– Сир, вы имеете духовный сан? Вы говорите, как наш главный раздатчик милостыни кардинал Пьер де Авалон. И ещё. Вы сказали Христос Михаил. Я привык слышать да и произносить Иисус Христос.

– Я понял вас, ваше Величество. Начну отвечать с первого вашего вопроса. При осаде одной из крепостей на севере России, а осада продолжалась без малого три месяца, мне приходилось, сознаюсь, чаще от скуки, общаться со старцем, который относил себя к школе Сифитов. Сиф – это один из сыновей Адама и Евы, о нём даже в Библии написано. Вы, ваше Величество, как истинный христианин, всегда носите с собой Библию, и можете в этом убедиться сами.

– Не стоит. По крайней мере, не сейчас. Продолжайте.

– Так вот, его проповедование достаточно сильно отличалось от того, чему нас учили на уроках Закона Божьего в лицее. Да, оно несколько отличалось от нашего православного учения, и, тем более, от вашего католицизма, превозносящее, в принципе правильно, сначала мирскую мать, а уж потом, как бы попутно, и само Божественное, что она выносила просто, как сосуд. Идеальный, но сосуд. И не надо в данном случае путать жертвенник и дары, возлагаемые на него. Здесь было наоборот – наполняемое освятило сосуд, держащий Его. Этот старец, всего прочего, рассказал нам, что имя Иисус было дано тленному, мирскому, из плоти и костей, телу еврейского мальчика. Бог есть Дух и наш глаз неспособен

увидеть Его, и человек никогда не сможет стать таким духовным, как Бог, поэтому Бог был вынужден настолько умалить, даже унижить себя, чтобы явить себя людям. А небесное Его имя Михаил. Разрешите, ваше Величество, всё-таки я найду это место в Откровениях. Вот, глава 12, стих 7 –

И произошла на небе война: Михаил и ангелы Его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,

8. но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

9. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Вот этот самый Бог Михаил и был после вынужден спуститься к нам, чтобы и на земле добить врага рода человеческого, и, принеся в жертву своё тело, искупить наш род, и сказать, что кто по-прежнему чтит Его, как Бога и Творца, то и, тот, по-прежнему, остаётся Ему сыном, которого Он любит, и на котором Его благоволение до тысячного рода. Так написано. И ещё один нюанс, написано – обольщающий всю вселенную. То есть у нашего Бога не только наша земля, но есть и другие обитаемые миры, где люди так же живут, радуются и молятся.

– Ух, ты! А мы никогда ни с кардиналом, ни с моим духовником, ни с главой нашей придворной церкви не обращали на это внимание. Ведь это же написано в Библии, поэтому

это есть истина.

– Да, ваше Величество, но почему-то священники, получив приглашение обсудить это, начинают кричать, что это богохульство, происки дьявола, что я поддался влиянию дьявола. Всё это ложь. У меня возникают мысли, что это сами священники поддаются влиянию дьявола, поскольку так агрессивно отрицают написанное в Библии. Написанное там, как вы сами заметили, есть истина. И что крамольного в том, что я знаю, что Бога моей вселенной зовут Святой Михаил. Здесь Он был Иешуа бен Иосиф, там – Михаил.

– Вы сказали Бога вселенной?

– Да, именно так – Бога нашей вселенной. Иисус Христос на земле проповедовал евангелие Своего небесного Отца, который называет себя Я ЕСТЬ. Что странного в том, что Бог Отец подарил и поставил на правление Своего Единородного Возлюбленного Сына, одну из своих вселенных. Даже в Библии написано, что Он отдал Ему вселенную, и ключ ее есть Истина. А Истина, как мы знаем, есть наш Господь Иисус Христос.

– Правильно. Мне это говорил мой духовник, и про ключ я где-то читал.

Откуда-то сбоку послышался лёгкий перестук, словно вывели погулять пони, и вскоре к нам подошёл один из пажей.

– Сир, обед накрыт. Первый гофмейстер просит вас придти на трапезу. Ваш духовник тоже там.

– Передай – сейчас изволим прийти.

– Да, ваше Величество.

– Сир, – обратился Карл ко мне, – не соизволите отобедать с нами я представлю вас моему двору.

– О, сир, именно поэтому и в интересах внешней политики теперь уже моего, простите, государства, я вынужден отказать. Вы – политик и поймёте меня. Сейчас никто пока не знает о вашем Указе, но потом они начнут говорить – да это тот, который..., да он .... И так далее. Нет. Для них я должен стать загадкой, варягом, от которого не знаешь, чего можно ожидать. Да и предстать пред их ясными глазками я должен своими красными, кровавыми глазами деспота и тирана, чтобы меня не свергли в первую же неделю завистники, думающие, что свой рог изобилия вы должны были излить на него или на них, но не на какого-то пришлого из далёкой России, где медведи бегают по улицам. Это не просто политика, но ещё и способ выживания. Поэтому я пообедаю только в присутствии своих придворных.

– А вы привезли с собою и придворных? А почему же я их не видел?

– Сир, своим устным приказом я, вслед за вами, за верность своему королю произвёл их в различных обер и прочее мастеров, а прощ – в дворян.

– Согласен. После любого дворцового переворота надо более низких по происхождению возвышать и приближать, чтобы иметь у трона преданных людей. Хотя, как читаю в летописях, их преданность сохраняется лишь до второго поко-

ления, а точнее, пока не умрёт предок. Наследник этой милости воспринимает это уже как должное и начинает претендовать на большее, упирая на заслуги своих предков, при этом, самолично не совершив ничего. И тогда преданный становится предателем.

– Ёшкин кот. Простите, ваше Величество, это у нас так иногда выражаются, чтобы не сказать грубее. Вы в очередной раз поразили меня вашей, не погодам, мудростью.

– Сир, как вы сказали – это не просто политика, но и способ выживания. До встречи, сир. Буду рад продолжить наши увлекательные беседы.

– Аналогично, сир.

Обменявшись любезностями, мы пошли на, честно говоря, давно ожидаемый обед.

– Сир, ещё одна просьба.– Произнёс я.– Наши светские беседы – да, но не рассказывайте вашим священникам о наших теологических беседах. Вы, наверное, уже сами знаете, как чревато профессионалу что-то посоветовать. Священники не являются исключением, и мне не хотелось бы заранее настраивать против себя всё ваше духовенство, говоря, что я возомнил, не разбираясь, лезу туда, куда можно только посвящённым. Но мы, в день Пятидесятницы, были все покрыты Духом Истины Господа нашего Иисуса Христа, который ведёт, направляет нас на путь Истины. И, если они прочитали больше книжек, это не значит, что меня не может посетить откровение. Главное, как учил апостол Павел, надо све-

рять его с учение Христа. Гордыня не самый тяжёлый грех, но у некоторых священников он присутствует. Увы.

– Хорошо, сир. Тем более у меня самого уже были такие стычки по духовным вопросам.

– Хотя лезть с советами к воинам, обороняющим крепость, не зная характеристик пушек, не умея зарядить мушкет или пистоль, глупо и опасно.

– И здесь я вынужден согласиться с вами, сир.

– Благодарю вас, сир. Честь имею. Приятного вам аппетита.

Обменявшись лёгкими поклонами, мы разошлись, важные и величественные, словно две здоровенные каравеллы в узком проливе. Придворный этикет это не хухры-мухры. Собственно, я это уже говорил. Король со свитой питался в отдельной, специально для него благоустроенной комнате. Мы же засели в общем зале, где было довольно прилично, по сравнению с российскими кабаками. Впрочем, выпить и напиться любят везде, и это было, скорее, заслугой самого хозяина и его вышибал, проводивших фейсконтроль до и во время питья.

– Так, парни, – сказал я, когда был уже слегка навеселе, – как недавно сказал мне король, при любом дворцовом перевороте надо более низких по происхождению возвышать и приближать, дабы у короля были свои верные люди.

– Дык, мы, что ж, должны того...

– Нить. Ни в коем разе. Именно этого короля, точнее, и

этого короля в том числе, вы должны беречь и защищать. Даже, если муха, какая, зараза, косо глянет на него. Убить! Но, конечно, чтоб потом доказать её виновность. Ну, типа нож или хотя бы камень в её руке, в смысле в лапке. Поняли? В нашей игре кости выпадают пока только одними шестёрками. И мечет их пока король Карл Девятый. Пока. Но вскоре этот стакан будет в моих руках, и нельзя сбить этот фарт по собственной глупости. Поняли? Вы должны понять, что теперь вы не просто нищесборные вояки, а мои слуги, и я присматриваюсь к вам. А за усердие и верность получают благодарность. По делам вашим и получите. Чуть позже. Если я останусь живой. За это и выпьем. Ещё день-два можно будет напиваться, соблюдая благочинность, а потом запомните – пьяниц возле себя не потерплю, потому, как на них рассчитывать нельзя – рано или поздно, но подведут. Ладно, пейте, гуляйте, отдыхайте, пока есть время. Потом его у вас станет значительно меньше.

– Да, ничего, ваша милость, лишь бы денег платили побольше.

– Ну, побольше, чем сейчас, я вам обещаю. Пойду, погуляю, подумаю. За королём в полглаза присматривайте, а то вокруг него одни фазаны разряженные снуют. Совсем расслабились на халявных харчах, ёшкин кот.

Солнце клонилось к западу. Ещё не темнело, но какое-то ожидание висело в воздухе. Да и птицы уже не кричали, а лишь лениво сообщали о своём присутствии. Ветер на вре-

мя стих. Природа замерла, обалдев от своего величия. Наверное, эта тишина и помогла мне расслышать едва слышный шёпот. Я огляделся. Вокруг озера большое поле с мелкой, стриженной под расчёску, травой. Местами декоративно раскиданы молодые, а потому не толстые и не слишком высокие, деревья, не знакомой мне породы. И только в одном месте, шагах в двадцати от тропинки, было излишне, на фоне других, закущенное место. На этот момент я уже прошёл его, поэтому мне пришлось немного вернуться, и сделал я это осторожно. Опасно там было или наоборот, весьма пикантно, не знал, но попасть в неловкое положение или поставить кого-либо из-за своего любопытства, я не хотел. Шагов с пяти разглядел двух молодых богато одетых джентльменов. Пажи короля, подумалось мне, но что они там потеряли? Я чуть не спросил их об этом, но не успел, – они выпрямились и в руках одного из них я увидел взведённый арбалет.

– Что за хрень?! – чуть не сказал я, но удержался по причине своего культурного воспитания. Продлив прицельную дальность своего глаза, увидел, о Боже, короля, идущего в окружении свиты, по тропинке. И, если бы в окружении! Король, как и положено, важно вышагивал впереди, а свита, как и положено ей, раболепно трусила за ним, ловя каждое его слово, и пытаясь уловить его шутку, чтобы вовремя засмеяться. Из свиты человек в пятнадцать, лишь человек пять-шесть были достойны, чтобы назвать их людьми, а не тварями дрожащими, как остальных. Бравые охранники – гвар-

дейцы короля, на вид довольно крепкие ребята, но отстали от этой толпы фазанов и попугаев чуть ли не на десять шагов. И впереди ни одной сволочи. Точнее, сволочи, числом две штуки были, а охранников – ни одного! Разжирели, коты подзаборные. Всех уволю. Но и я хорош – сам расслабился, военный называется, у самого ни сабли, ни пистолета – зря их, что ли изобрели чукчи для охоты на оленей. Король приближался, стрелки встали в боевую позицию, а я до сих пор не знал, что делать. Поднимать шум, кричать алярм, тревога, поздно, т.к. или меня, или короля, но пристрелят, расстояние уже никакое, не промахнёшься. И я сделал единственное, на что был способен. Два шага вперёд. Удар стопой под колено стрелку и удар по горлу наотмашь большим пальцем распрямлённой ладони другому. Стрела взмыла вверх, чуть не ранив заходящее солнце. Благо, оно было в другой стороне. Теперь можно, да и нужно было привлекать внимание стражи. И я заорал

– Убью, с...! За короля!– Как я закричал о короле, до сих пор не пойму. Видимо и во мне пока сидит это холопское чувство угодить да умаслить.

Дальше охранники уже клювом не щёлкали, а бросились исполнять свой служебный и рыцарский долг, т.к. многие из них были при весьма больших чинах и дворянских титулах. Из всей свиты, как я и предположил, бросились защищать короля только те шестеро, что сразу привлекли моё внимание. Остальные, непостижимым образом умудрились спря-

таться за худенькую спину субтильного паренька, работающего у них королём.

Как ни странно, но эти двое потенциальных убийца были также из свиты короля. Прислуживать такому королю и ещё изменять ему?! Ох, непогодам мудр король. Король, чтобы вы знали, одна из самых опасных профессий. Воюешь ты или нет, но всё равно тебя кто-то постоянно хочет сместить. Просто сместить короля нельзя. Остаётся единственный и самый проверенный способ – убить. А как убить – это не важно, это просто дело техники. Или яда. Наконец, охранники сообразили и, прикрыв своими телами, тело короля, увели его с опасной позиции под защиту стен постоянного двора. Вскоре ко мне в дверь постучал, а потом вошёл уже знакомый паж – какой-то там герцог чего-то. Он сказал, но я, по простоте своей душевной, и всего лишь по высокоблагородию прежнему, не запомнил. Оно мне надо? Но просьбу короля, почтить его своим вниманием, счёл нужным.

На входе в апартаменты короля толпилось человек десять дворян – лоботрясов, а непосредственно перед дверью – ещё четверо стражников в золотых кирасах с вензелями королевского двора. Сравнив эту свору с болотом, я, тем не менее, пронизал её гордо, как ледокол, раздвигая, распихивая, а пару раз и разбрасывая, этих уродов, и лишь в конце, перед стражей, один из них встал, загораживая мне путь. Я спокойно, с надменным взглядом, вживаясь в роль, не спеша, осмотрел его. Кираса из тончайшего чистого золота. Слева

вверху элегантно выдавлен меч, обсыпанный алмазами.

– Богатенький.– Равнодушно мысленно подумал я. – У меня тоже куры денег не клюют. По причине отсутствия этих кур. Да и денег тоже. – Но вслух произнёс – Чьих будешь, воин?

– Я главный Прево отеля короля герцог Олбани.– Паршивец, уел. Не добавил слово сэр, словно говорит с чернью. Что ж запомним. Культурные люди не запоминают обид, но я из военных, поэтому я запоминаю не обиды, а обидчиков. Королевство маленькое – пересечёмся.

– Что ж, то же неплохо. Передай Его Величеству, барон Владимир де ля Рашен собственной персоной и по его приглашению.

– Я предупредён и вас уже ждут, ...сэр.– Всё-таки добавил он, хоть и с паузой, что можно было выслушать серенаду. – Прошу. – Сказал он, распахивая дверь.

– Хорошо и запомни ЭТО. – Акцентировал я, зная, что он поймёт меня, как надо. Хамов всегда надо ставить на место, будь он хоть граф или алкаш простой. Если уж и горшки за королями убирают графы, то охранять короля надо заслужить и удостоиться чести. Да и я добавил, сам не ожидая, частичку ля. Она же говорит о принадлежности к королевской фамилии. Хотя почему? Я теперь и есть та самая королевская фамилия и король в одном лице.

Я вошёл чинно и благородно, как и подобает королю. По крайней мере, я старался.

Венценосный юноша, увидев меня, поднялся и бросился мне навстречу.

– Барон, как я рад видеть вас. Я давно уже жду вас, чтобы выразить вам свою королевскую благодарность. Вы уже второй раз спасаете мою жизнь.

– Э-э-э, ваше Величество.– Немного затупил я.

– Первый раз вы спасли меня и мою душу, когда я умирал от тоски одиночества и депрессии. И сейчас, снова вы спасаете уже моё тленное тело. А вы понимаете, что без души, как и без тела, человек существовать не может.

– Ваше Величество, жить – не может, а существовать? О, да сколько угодно. Откройте дверь и посмотрите наружу, там вы увидите таких не один десяток.

Король слегка нахмурил лоб, но потом по-детски, наивно улыбнулся.

– Вы очень часто бываете правы. С вами, сэр, трудно спорить. – Король опять, не погодая, оказался не просто мудрым, умным, но ещё и прекрасным актёром, играя со мною в простого барона и обычного светского собеседника. У этого малыша мне и самому есть чему поучиться.

– Да, сир, иногда и в головы военных залетают умные мысли. Главное, чтобы они там подольше оставались и о них могли узнать окружающие.

– Шутите, барон.

– Да, сир. И в каждой моей шутке есть доля шутки. Ведь у меня пока нет персонального какого-нибудь князя, герцо-

га или хотя бы виконта, записывающего за мной мой искромётный юмор и свежие мысли. А чуть задержал эти мысли в голове, так они начинают закисать, словно старый эль, бьют тебе по голове, а потом уже и ты по чьей-то. Таковы мы – простые вояки, которым кроме сражений, битв и моря крови ничего и не надо. Но зато уж своих королей мы защищаем не щадя своей, да и чужой жизни.

– Я рад, что в России такие преданные своей Родине дворяне.

– И не только Родине, но и другим достойным этого людям, сир.

– Познакомьтесь, барон. Мой главный распорядитель герцог де ля Рошель, мой кузен по дядюшке – французскому королю. Мой обер-камергер герцог де Кале. То же француз. О нём я вам уже говорил. И мой духовник кардинал де Пуатье. Да, тоже кардинал, как и наш раздатчик милостыни. Кардинал де Пуатье недавно был нашим главным маршалом, но принял сам и стал нашим духовником. Чем я очень доволен, т.к. он может ответить не только на духовные просьбы, но и высказаться и по светским вопросам.

– Рад познакомиться, ваше Высокопреосвященство.

– Можете называть меня ваше преподобие, сие, впрочем, неважно. Можете просто – падре. Мы все едины перед Богом, и незачем кичиться в мелочах.

– Вам, падре, было бы очень трудно у нас в России. У нас священники очень трепетно относятся к тому, что им дал не

Бог, но их церковный начальник. Вас бы посчитали за еретика и сослали куда-нибудь в Сибирь проповедовать медведям.

– Так у вас и такое служение есть?!

– А как же. Если нет прихожан, то проповедуют медведям.

Такая у нас страна. Мы аж сами иногда обалдеваем. Так и живём.

– К нам надолго, барон?

– Пока не определился. Путешествую, смотрю, иногда спасаю. Везде есть хорошие люди.

– Вы правы, сын мой. Возлюби ближнего своего.

– Полностью с вами согласен, падре. Извините, но мне так привычнее вас называть.

– Не стоит извиняться, тем более это я сам вам предложил.

– Барон, я надеюсь, мы с вами ещё увидимся?

– Непременно, ваше Величество. А сейчас, извините, я уже был на коне, когда ваш посыльный передал мне вашу просьбу, ваше пожелание увидеть меня, поэтому я вынужден откланяться. У меня деловая встреча и уже опаздываю к назначенному сроку.

– Барон! Это король!

– Ничего, ничего, герцог. Барон не является моим вассалом и вправе жить так, как ему заблагорассудится. Как, впрочем, и моим вассалам, когда они не заняты на службе короля.

– Благодарю вас, ваше Величество. Честь имею. До встречи. – И кивнув, как равному, вышел.

– Ну и нахал.– Успел услышать за спиной, судя по голосу, главного распорядителя.

– Да, я такой.– Мысленно похвалил я себя.– Иначе нельзя – должность не позволяет.

***

Сборы профессионального военного, ставшего полупрофессиональным путешественником, недолги. Закинув вещи на крытую телегу, что здесь называют кэбом, я, в сопровождении двух моих оставшихся телохранителей, отправился покорять столицу. Чтобы они не маячили перед глазами, пришлось купить им лошадей. Логично, охрана должна прикрывать снаружи, а не дрыхнуть вместе со мною на лавочке, к тому же жёсткой.

По моим подсчётам первый шок, а потом и ажиотаж после прочтения Указа в столице прошёл, кто-то пребывает в тихом трансе, кому-то всё по барабану, т.к. они прекрасно знают своё место у трона или недалеко от трона. А ласковый жеребёнок, как известно, может сосать сиську у двух матерей сразу. Короче, это уже их проблемы, а я – новоиспечённый король еду принимать эти тяжкие бразды правления. Раньше я был простым пенсионером, способным поехать хоть куда, хоть на рыбалку, хоть к теще, вглубь, в Саратов или ещё дальше, например, в провинциальный, глухой Коктебель, что на крымском побережье. А теперь я вынуж-

ден, и не буду, а уже, круглосуточно думать о делах и проблемах моего королевства, едрид ангидрид. Но, как сказал сир Карлуша, надо чтобы моё королевство хоть чем-то отличалось от его. Но чем? Может, покрасить всех коров в российский триколор? Неплохо, но это дополнительные траты, чего допускать на данном этапе становления моей власти нежелательно. Перемены нужны, но с минимальными денежными затратами. Такие, чтоб только бумажку написать и хватит. А Указ этот мой будет.. э-э-э... о переименовании королевства в царство. Точно. Придётся только переделать, стоп, печать осталась и останется у Карлуши, т.е. мне всё равно заказывать новую печать. Отлично. Вот, что значит, военная смекалка. Напишу Указ, и все махом из королевства переедут в царство. Сначала в моё – земное, а потом – в небесное. Главное, не оказаться таким правителем, у которого все подданные сбегут вновь в королевство. Хотя я и стал на пенсии гуманистом и либералом, но придётся таких, не желающих жить в моей гуманной и либеральной стране, нещадно казнить и вешать, до тех пор, пока у них не появится такое желание. Кстати, и перепись сразу сделаю, надо же знать с кого налоги взимаю, чтоб никто не уклонился от оказания уважения моему величеству в виде подати, налогов и прочего в денежном и натуральном выражении. Везде должен быть контроль, учёт и порядок. И ещё немецкая пунктуальность. Хотя и в предыдущих трёх пунктах германцы тоже являются для нас образцом для подражания. И, конечно, армия. Повы-

сить денежное содержание офицерам и солдатам, чтобы повысить их преданность мне, как Верховному Главнокомандующему, который поведёт их в бой. Чушь какая-то. Не в какой бой я их не поведу. Глупо. Давно уже прошли времена, когда короли водили за собой войска в бой и погибали там. Максимум, чего они добивались – это выигрывали бой, но войну так не выиграешь, т.к. в пылу боя не видишь, где тебе заходят во фланг, а то вообще и в тыл. Умный в гору не пойдёт, умный посыльного пошлёт. Короче, как в армии, военный порядок, военная дисциплина, а всех этих холуёв и лизоблюдов – в отхожее место. Щаз-з, в том-то и беда, что царство это тебе не казарма, и взял его ты не штурмом и приступом, а цивилизованным способом, вот и мучайся, как баба с коробом полным яиц. Нет, топтаться по яйцам – это как-то не по-мужски.

– Уважаемый, – прокричал я кучеру, с трудом высовываясь из узкого окна, – за сколько можно доскакать нам до столицы?

– Ваша милость, – радостно прокричал мне в ответ кучер, – дак, смотря, на чём ехать. Ежели, например, карьером скакать – то быстро, галопом – чуток помедленнее, вы ж, ваша милость, посмотрите на этих лошадок. Они, конечно, хорошие, могут долго скакать рысью. Могут, конечно, и карьером, но недолго, а потом издохнут, и придётся кэб толкать вашим людям аж до ближайшей деревушки, что примерно в пятнадцати милях отсюда. Но и там мы лошадей хороших не

купим, потому как дороги они больно. Их же, окаянных, из-за моря нам привозят. Не дай Бог издохнет – беда. Но у нас, слава Богу, войн нет. Мой кузен живет в Ливерпуле. Это Англия, может, вы слышали, ваша милость, так там, как война, так всех лошадей милорд забирает. Хоть караул кричи. Но им хорошо, к ним то норманны вторгнутся, то шведы, а они все на лошадях. А нам-то как быть? Вот так и выживаем, ваша милость.

– Да, когда норманны вторгаются, это, конечно, лучше.

– Война, конечно, то же не хорошо. Что и говорить. Вон, говорят, от французского короля зачасти к нам шпионы, все высматривают, расспрашивают, вынюхивают, денег дают.

– И чего же они хотят?

– Как чего, ваша милость? Это же понятно – завоевать нас хотят. Мы ж, сколько лет не воевали, а так не бывает. Люди должны гибнуть, чтобы нарождаться. Иначе наплодится нас, куда девать всех, как прокормить. То-то же. Войны, они ж не просто так, они со смыслом.

– Да уж. Со смыслом. Только каждый свой смысл в неё вкладывает. Так говоришь, война скоро будет.

– Да не-е, не будет. У нас же армии нет. Вы, ваша милость, приезжий, и видите, что у нас, акромя этих павлинов столичных никого и нет. А какие из них вояки. Их и курицы с моего двора заклюют. Это ж хорошо, просто придут французы, и солдаты дома грабить не будут. Нас же завоевать и ротой можно. Короля, конечно, жалко, казнят же. А как же

иначе – законная власть. Да и принцесса – опекунша ничего баба. Политикус. Так говорит мой сосед. Он умный, он служит при дворе стекольщиком, много знает.

Я не ответил. Откинулся на полумягкую спинку и задумался. Пошла баба продавать поросю, а тут волки. Из огня да в полымя. Королевича, однозначно, ликвидируют. Тут мужик прав. И меня ликвидируют. Теперь тоже и однозначно. Они же не будут воевать только с Карлушей, попросив прощения у меня за вынужденный шум от пушек. Да, вся мудрость рождается в глубинке, среди мужиков и не всегда эта мудрость достигает верха, иногда не успевает, как в данном случае. Хотя... у меня что, нет чувства гордости? Я ж русский человек. Офицер, наконец. И король, к тому же. Короче, как ни крути, а воевать и спасти Карлушу придётся. Да я и не против. Хоть что-то изменилось в моей жизни. Наверное, не зря я сюда приехал, не зря Господь меня сюда именно в это время подогнал. Значит, мне и флаг в руки, едрид ангидрид. А флаг, я всё-таки, прапору отдам, пускай держит, ему за это деньги платят. Хотя и отстреливают их на войне десятками. Селяви, как говорят мои нынешние враги – французы.

***

Я успел немного подремать, пока мы доехали до ближайшей остановки. Лошади тоже человеки и есть хотят, и пить,

и отдохнуть немного. В таверне при постоялом дворе было сильно накурено. Американская цивилизация добралась даже сюда. Нет бы, кофе начали выращивать или помидоры сажать, так выбрали самое паршивое, что можно. Ну, что за народ такой. Прямо, как русские. Только мы в темноте дважды наступаем на одни и те же грабли, лениво наклониться и убрать их. Только мы в голом поле умудряемся вляпаться ногой в свежую коровью лепёшку. Так, хватит хвалить себя и балдеть от собственной исключительности. Все задумываются над загадочной русской душой, не понимая, что вся эта загадочность, таинственность основаны на нашей российской расхлябанности, лени, разгильдяйстве. Не зря у нас и сказки про Емелю, с его волшебницей щукой, да старики с золотыми рыбками. А вот здесь и сейчас расхлябывать придется мне. И, если не расхлебаю, то казнят меня, а не ленивого Емелю. Вот как-то так. Матка Боска, что ж я, пень старый, не пользуюсь моментом и не провожу рекогносцировку местности. Врага надо бить на его территории или, в данном случае, на территории соседа. Только вопрос – осознаёт ли сосед степень угрозы или наивно ждёт своего палача? Скорее всего, второе. Идиотов всегда больше, а наивных идиотов ещё больше. Всё как в России. По крайней мере, и действовать надо, как в России – надеясь только на себя да на мужиков простых, которые и шпионов видят, и судьбу империи наперёд расскажут.

Мы прошли за занавес, где, как я понял, отгораживают

места для благородных. Почти сразу же к нам подбежал вихрастый пацанёнок в чисто стираном фартуке, что приятно меня удивило, т.к. вспомнились наши кабаки и прочие тошниловки, где мне приходилось прежде бывать и не раз.

– Что изволите заказать, ваша милость? Есть молодой запеченный поросёнок. У хозяина большой выбор вин. Ему привозят аж с самой Франции. Есть даже итальянские вина, но те подороже, но вы же благородный сэр, а благородные пьют только вино благородных.

– Ох, пострел. Небось, процент от продажи вина получаешь? Правильно, сейчас время такое. Феодализм канул в вечность. Ему на смену приходит буржуазия. Городской совет – всё, феодал – ничто. Эволюция прирастает цивилизацией. Тащи. Только не поросёнка. Там есть нечего – одни кости. Тащи гуся или утку, что там у вас и кувшин эля. Мы патриоты и едим только своё. А французское вино будешь предлагать французским солдатам, когда они придут сюда. Беги. Мы проголодались.

– Ваша милость, да кто ж их пустит сюда.– Засмеялся малыш и побежал на кухню.

– Да есть, кому пустить.– Прошептал я в ответ удручённо.– Двоих из них, надеюсь, уже пытаются. Да и сами французы – потомки галлов, что не раз надирали задницу знаменитым римским легионерам. Придут и не спросят, а будешь выкобениваться – просто пристрелят. Вот как-то так.

Сначала я почувствовал сногшибательный, слюнькипус-

кательный аромат свежее испечённой дичи, а следом за запахом показался типичный повар – толстячок в белоснежном колпаке и таком же фартуке.

– О-о!– Не выдержала моя душа, и я протянул к нему руки, требуя побыстрее этот шедевр кулинарного искусства.

Повар, увидев мою реакцию, расплылся в улыбке, а вместе с ним и его лицо, превращая всю физиономию в одну большую рукотворную картину счастья, которое иногда возникает у людей, видящих, что их труд оценён по достоинству, по их достоинству.

– Давай! Давай! Иначе я захлебнусь собственной слюной.

С важностью, достойной первого гофмейстера, он поставил блюдо передо мною. Как голодные собаки что-то рычали мои сотрапезники, но чтя субординацию, подобно хорошо дрессированным волкодавам, ждали, пока хозяин не отломит себе первый кусок. Я не заставил их ждать ни секунды. Повар с чувством блаженства и умиротворения стоял напротив нас и с восторгом созерцал наше глумление над этикетом приёма пищи, но что есть лучшая оценка его мастерства. Когда мы блаженно откинулись на спинки стульев, я осознал, что мы только что втроём уничтожили гуся килограммов на пять и, к тому же, фаршированного голубями, которые, в свою очередь, были фаршированы грибами. И это не считая томатов, разрезанных пополам и засыпанных какой-то ароматной, слегка горчащей зеленью. На доньшке большого керамического блюда оставалась всего лишь небольшая лу-

жица мясного сока, которую промакивали кусками черного хлеба мои придворные. Опять же, подобно гофмейстеру, повар протянул мне, пускай не салфетку с вензелями, но большую влажную тряпку.

– Отменно. Давно я ел такой вкуснятинки. Да и ел ли вообще. Просто шедевр. Тебе, братец, во дворце служить надо, если и остальные блюда у тебя такие же вкусные. Хотя, нет. Опасно. Как только распробуют такую пищу, не будет отбоя от желающих. Уже будет не спокойный обед, а какая-то цыганская свадьба. Шучу. Гусь, действительно, был великолепен.

– Ваша милость, я их специально зерном откармливаю, не даю много двигаться, и они вырастают толстыми, жирными, сочными.

– Да, мясо буквально таяло во рту.

– Я старался, ваша милость.

– Я это заметил и оценил. Мне сказали, что такой гусь стоит три луидора, возьми десять. Ты заслужил их. А на счёт того, что ты достоин служить при дворе, я подумаю. Так, холодный эль унеси, а сделай нам горячего грога. Кочевники, когда объедятся бараниной, пьют горячий чай, чтобы не было заворота кишок. Нам тоже лучше не рисковать. Тем более мне и сейчас.

Поклонившись, повар убыл.

– Ну, как вам такой повар, если мы его потом вызовем к себе?

– Не, ваша милость, лучше не надо. Вы представляете, какими мы станем, если хотя бы полгода будем питаться у него? Да мы же на коня не сумеем взобраться. Да я уже год так не ел. Помню, чуть больше года проиграли мы сражение французам. Всё бы ничего. Но к ним на помощь подошло два полка германцев. Короче, разгромили нас подчистую. Убежали мы втроём. По дороге домой наткнулись на стадо овец. Пастух, понятно, ни в какую. Естественно, надавали ему по морде. Успокоился. Лежит. Утащили, в смысле унесли двух баранов. Ну, мы ж понимаем, что ему достанется. Мы что ж, не люди что ли. И вот тогда мы поели вволю. Почти, как сейчас. Не так, конечно. Там больше сырого или подгоревшего было, но главное – много.

– Да. Когда много – это хорошо.

– Эх, вы, рабы желудка. Монахи вон месяцами постятся и довольны.

– Хм. Пускай постятся, а мы это мясо за них есть будем, чтобы не пропадало.

– Всё это хорошо, но ехать надо. Генрих, вот деньги. Пускай в дорогу соберут мяса, хлеба, эля бурдюк. Сыр не бери. Его всухомятку не съешь. Лучше мяса побольше. Мы ждём тебя во дворе.

Бросив медную монетку пацанёнку на чай, мы медленно, как два беременных борова, выползли наружу. Солнце уже начало клониться к западу. Ещё немного и первые сумерки известят о приближении ночи. Надо торопиться. Если при-

нимать бой, то, скорее всего, где-то в этих местах. А потом уже только отступить на заранее не подготовленные позиции. А как их подготовишь, если это чужая территория.

***

Упаковавшись и усевшись, мы тронулись дальше. Я достал из саквояжа тетрадь, грифель и начал рисовать походную карту.

– Ваш милость! – окликнул меня один из моих людей.– Что делаете? Не пойму что-то.

– Карту рисую. И вы тоже запоминайте местность, как военные, с военной хитростью.

– А мы, что ж, воевать их пойдём?

– Да кто ж знает. Мы ж люди военные. Нам ко всему готовыми быть надо. Запоминайте покрепче, потом добавите, если что пропущу.

– Да я запросто. Я и молитвы быстро учу, и здесь запомним, если надо.

– Надо. Очень надо.

Когда уже относительно стемнело, кэб довольно круто свернул налево.

– Э! Я не понял. Куда едем? На постоя становиться не будем. Едем всю ночь.

– Нет, ваша милость, мы и едем. Просто здесь болотистая местность, колёса вязнут, а есть места, что и ямы попадают-

ся. Человек провалится и всё, не достать. Придётся объезжать, ваша милость. Вы уж не сердчайте.

– А как, если вправо объехать?

– Не, ваша милость. Вправо очень далеко. Эти места называют чёртовой пустошью, хотя какая пустошь, это ж болото скорее. Не. Да там и дороги-то нет. Себе дорожке выйдем. А здесь отличная дорога, мощённая булыжником. Немного трясёт, зато в яму не провалишься.

– Ясно. И как далеко объезжать?

– Да миль девяносто будет или поболи.

– Обожди. Так ведь наша дорога и так постоянно уходила влево, а тут вообще круто. Насколько же мы уйдём влево относительно деревни, откуда мы выехали?

– Дык, ваша милость, миль сто или сто пятьдесят будет.

Это точно.

– Так сто или сто пятьдесят?

– Наверное, всё-таки сто пятьдесят.

– Ничего себе. Я спросил тебя, старого хрыча, когда приедем, а ты мне голову задурил этими лошадьями. Так, когда же мы приедем в столицу теперь?!

– Завтра после обеда и будем.

– Не понял.

– Да вы, ваша милость, сами посмотрите. До поворота сто пятьдесят миль с хвостиком.

– Даже с хвостиком?

– Совсем маленьким. Там на постоялом дворе меняем ло-

шадей на свежих, и ещё миль сто двадцать в обратную сторону. А там уж и столица почти.

– Обожди. Если условно остров разделить пополам, то мы, получается, уже на другую половинку передем?

– Получается так, ваша милость. Но здесь ничего не поделаешь – земля наша такая. Раньше-то всё жесткое было, поля были просторные, а нынче хлябей много стало. Особо после того, как нас почти месяц у берегов Франции летом мотало. Много ям образовалось. И всё больше вдоль западного берега, что тёплым течение омывался. Я так понимаю, что под нами лёд, вот он и тает, получается. Видать и все мы скоро растаем. Не знаю, даст ли мне Господь дожить и умереть или на дно пойду, как пират какой. Всё в руках Господа.

– Это ты правильно подметил.

– Да это не я. Это так наш аббат говорит.

– За умным человеком и повторить не грех.

– Согласен, ваша милость, вот я и повторяю.

– Так когда, ты говоришь, мы выедем из постоянного двора?

– С рассветом. Здесь дорога из булыжника, а оттуда будет грунтовая. Хорошая, но грунтовая. Вот мы и выйдем пораньше, чтобы портовые мужики всю дорогу не заслонили. Оттуда же развилка и на портовые города. Оттуда всё везут – и пеньку, и зерно, и лошадей, и оружие для гвардии.

– А на востоке нет портов что ли?

– Да я ж говорю вам, ваша милость, там хляби, плохая

земля. Нельзя там порты строить.

– Странно. Тёплое течение на западе, а хляби на востоке.

– Это сейчас остров так повёрнут. А было время, остров аккурат наоборот был повёрнут. Меня ещё не было, дед рассказывал, налетел наш остров на мель возле берегов Гренландии. Всю зиму там прожили. Многие даже на охоту ездили на тот остров. Он же большой, не то, что наш. Там и животных диких много. Остались от викингов-переселенцев. Промёрзли там, говорят, хорошо. Видать это острову надо было. Потом в сильный шторм, что бушевал почти неделю, крутануло сильно и сняло с мели. Вот с тех пор и плаваем наоборот. Да нам-то, какая разница.

– Вам – да. А мне сосем наоборот.– Ответил я шёпотом.– Получается, я ненароком отписал себе все порты и вправе брать мзду за пользование, как портом, так и дорогами к ним. Что хозяину угодно? Вот только долго ли продлится моё диктаторство? Мало долбили их римляне. Расплодились опять. Места им новые подавай, новые владения. Щаз-з, разбежался. Я вам не Карлуша, и не эта старая дева – опекунша. Мы ещё подерёмся. Но чтобы стать лидером, за которым пойдут на бой, надо создать им стимул, лучше денежный, дать мечту, за которой должны пойти, а проклятые французы им помешают. Пообещать им землю? Но она вся у лордов. Попробуй, покусись на это и тебя свергнут в первые же сутки. Завоёвывать земли у Карлуши не буду. Я не сволочь. По крайней мере, пока. Да и повода нет. Пока. Хотя, если

опекунша окажется стервой, то... тут есть над чем подумать. Но думать о стерве до войны не успею. Судя по неудавшемуся покушению, вторжение уже близко, и неудача только немного отодвинула сроки. Хотя, кто знает. Машина вторжения уже запущена, войска собраны. А крупное войско нельзя долго держать без дела, да и экономически не выгодно, не прокормишь. Выгони его на территорию врага, и оно само себя прокормит. Получается... Получается, что надо сразу же открытым текстом объявить мобилизацию, подготовку позиций, которые надо ещё и найти. Чтобы прочувствовали обстановку, краски придётся сгустить. Или это, как раз, и окажется реальная обстановка. Плохо то, что они забыли, что такое война. Обычно даже у генералов начинается шапкозакидательное настроение. Поправим. Поможем. Снимем. Поставим. Своего добьёмся. Так и никак иначе. Должность обязывает. Вот как-то так.

За своими мыслями государственного значения, я незаметно для себя заснул.

***

Я проснулся оттого, что кто-то нахально и нудно тряс меня за плечо.

– Якорь тебе в глотку, как сказал бы мой дед, если бы он был корсаром. А, это ты Джон. Что тебе надо? Что ты пристал к человеку?

– Ваша милость, приехали. Вы пройдите на постоянный двор, там вашей милости уже приготовлена комната и постель.

– Уже? Быстро. Да, ты прав, в постели оно как-то приятней и привычней. Такое беспокойство приятно, хотя сон, наверняка перебьётся. Пошли, раз приехали. А Генрих где?

– Он с Жаком говорит. Мы только распрягли лошадей, а тут и Жак собственной персоной на коне. Приоделся. Откуда только деньги взял.

– Да, может, сэра какого по дороге ограбил. Разбойникам тоже есть хочется.

– Не, ваша милость, он не такой. Он истинный христианин. Он не будет убивать кого-то из-за денег.

– Конечно. По-моему, и насколько я знаю, он последние пять лет только этим и занимается – никого не убивает.

– Ваша милость, я говорю, что не будет грабить ради денег.

– Ага, а деньги ему платили в армии, чтобы он ячмень на захваченной территории сеял. Или всё-таки убивал врага, захватывал земли и добычу. Это тот же разбой, только организованный королём, а то и просто каким-нибудь графом или бароном. Пошли, политик.

Зайдя в таверну при постоялом дворе, я понял, что заснуть мне в ближайший час – полтора не придётся. Под чутким и строгим руководством Генриха поварята заставили весь наш стол едой и закуской. Если кто не знает, то закуска –

это еда, которой заедают шнапс, ром, водку или хотя бы эль. Сказалась близость международного порта – овощи, фрукты и даже виноград.

– Молодец, уважил. Мой желудок уже как час урчит и ворчит, как престарелая училка в монастыре. К столу, господа. А где этот неуловимый Жак? Почему я его не вижу? Почему он до сих пор не предстал под светлые, отставить, грозные очи своего сюзерена? Разбаловались. Пороть надо. Жаль только, что уже поздно. Баронов и графьев не порют. Да. Им головы рубят.

Дверь в таверну распахнулась и Жак, словно только и ждал этих слов, вошел и с радостной улыбкой подошел ко мне. Ваша светлость, ваше поручение выполнено. Ваши покои в королевском дворце практически готовы, и к вашему приезду всё будет завершено.

– Добро. Только меня моя спальня беспокоит в последнюю очередь. Как насчет выделения личного состава, армии и прочего? Как среагировали при дворе? Что слышно про сестричку короля? Какие новости?

– Если коротко, то всё нормально. Конечно, все вначале были в шоке. Когда они прочитали Указ, то минут десять стояла абсолютная тишина. Потом начали друг другу задавать всякие глупые вопросы, что, где, за что. Короче, хрень всякая пошла. Но тут вмешался какой-то священник и сказал – воля короля, как и воля Господа, не обсуждается. Все были вынуждены согласиться, тем более Указ зачитали при

всех, как вы и приказывали, и я настоял на этом.

– Молодец. Так, значит, ты говоришь, что четверть дворни передали мне. А что с дворцом? Как поделили здание?

– Дворец поделили поровну. В общих залах я приказал провести черту, чтоб чужаки к нам не заходили.

– В черновом варианте – правильно, но надо срочно сделать перегородки, покрасить, повесить гобеленами. Нет, они стоят очень дорого и их наверняка не хватит. Можно использовать картины. Покрасить и побольше картин, типа, я живопись люблю. Вот такие у меня причуды. Ты ещё не знаешь, но на короля было совершено покушение.

– Как же, ваша светлость, наслышан. Мало того весь двор знает, что именно вы спасли жизнь королю. Весьма своевременный поступок. Сначала многие с недоверием и даже презрением узнали об их переводе вам, но после покушения вы приобрели много поклонников, особенно среди дам.

– Вот это хорошо. Как известно, многие решения лорды принимают под давлением собственных жён. Это мне на руку. Главное, чтобы они не придумали, что это я организовал и сам же ликвидировал заговор.

– Нет, нет. Преступники уже дали показания и сказали, что внедрили во двор по приказу французского кардинала. Так что вы вне подозрений.

– Можно подумать, что и я не могу быть от него.

– Это я не подумал.

– Об этом подумают. Но чуть позже.

– Ваша светлость, а вы действительно приехали сюда по приказу французского кардинала?

– Типун тебе на язык. Нет, конечно. Я русский офицер, дворянин, а не какой-то там шпион. Тем более французский. Тем более, зачем французам начинать войну, если я уже получил полцарства, не сделав ни одного выстрела.

– А французы начинают войну с нами?!

– Увы, да. Причём весьма скоро. Так что времени у нас в обрез.

– А это-то, откуда вы знаете?

– Ты знаешь, что такое агентурная разведка?

– Разведка? Так вы всё-таки разведчик?

– Ёкарный бабай. Сколько тебе можно говорить – нет и ещё раз нет. Ещё раз засомневаешься во мне – повешу за оскорбления короля. Понял?

– Понял, ваше Величество. Так теперь вы король?

– Но об этом при дворе пока знать не должны. Пускай думают, что я простой, скажем, гроссграф. Так, по-моему, звучит должность, когда у графа в подчинение много графов. Не время сейчас противопоставлять себя баронам. На дворе война, и внутренние распри опасны. Сначала победим, потом всех построим, а, если понадобится, то и нагнём, как нам нужно будет. Да и чтобы отличаться от соседей, думаю назвать себя не королём, а царём. У меня на родине в России правят цари. Тоже ничего. Поэтому, ешь основательно и скачи в мои апартаменты. Пускай делят дворец, чтобы ни

одна французская сволочь не проникла или их шпион. Судя по всему, приеду только завтра к вечеру, посему часам к одиннадцати ночи собери всех генералов, командиров и придворных, что имеют отношение к подготовке войны. Ну, типа охотники, фуражиры, пионеры, так, кажется, называются здесь сапёры. Ты теперь не простой солдат, а мой придворный, поэтому думай. И если хочешь что-то сказать, тоже сначала подумай, потом ещё раз подумай и только после этого скажи. Когда отвечаешь не сразу – могут за умного принять. Смотри, меня не подведи и не опозорь. Солдатские привычки и словечки выкинь. Понял?

– Как не понять, ваше Величество.

– На людях называй меня Светлостью.

– Понял, ваше Величество.

– А теперь пошли есть, а то нас сейчас такими словами встретят, и не посмотрят, что я их Величество. Ох, пороть надо, но нельзя, но надо.

Жак полностью проникся ответственностью задания, т.к. среди ужина незаметно поднялся и по-английски, не попросившись, ушёл. Ужин был великолепный, хотя на фоне последнего, конечно, уступал. Как они сосредоточили такое большое количество хороших поваров на таком маленьком островке, оставалось для меня загадкой. И этот повар служит на моей территории. А это плюс.

В конце ужина к нам подошел хозяин постоянного двора.

– Господа желают расплатиться?

– Да, любезный.– С этими словами я бросил на стол мешочек с деньгами.– А теперь проводи меня в мою комнату. Поговорить хочу с тобою.

– Слушаюсь, ваша милость.

– Веди. Я здесь пока гость.

Следом за хозяином я поднялся к себе в номер. Стандартный набор гостиницы – кровать, два табурета и стол под окном. На столе – кувшин и глиняная кружка. Что ж, я пока не король. Хоть дэ юре – да, но дэ факто – увы.

– Присядь, любезный, не стой над душой. Скажи, ты знаешь о последних изменениях при дворе?

– Нет, ваша милость, никаких известий пока не поступало.

– А про покушение на короля ты слышал?

– На короля?! Вы имеете в виду короля Карла Девятого?

– А сколько королев здесь ты знаешь?

– Не может быть!? На короля! На этого мальчика? Кто же эти изверги?

– Как мне сейчас доложили – французы.

– Как французы? Мы же с ними в хороших отношениях.

– Мы – да. Они – нет. Мало того, в ближайшее время они начнут вторжение к нам на остров, и пройдут, как ты понимаешь, по этой дороге, через твой двор и твой дом. Ты понимаешь последствия, хотя бы лично для тебя?

– Ох, ваша милость....

– Можешь называть меня ваша Светлость. Так будет более

правильно. Но это ещё не всё. Уже три дня всё королевство разделено на две равные части. И в левую часть королевства, где мы с тобою сейчас находимся, уже назначен новый равно королевский правитель. Разговаривая со мною, ты можешь считать, что говоришь с твоим новым правителем. И я говорю с тобой его именем. Ты понял?

– Да, ваша Светлость.

– Через несколько дней сюда придут войска для организации обороны. Найди людей, которые хорошо знают местность. Сам в армии служил?

– Нет, ваша Светлость, не довелось.

– Ладно. Ты здесь на своём месте. Хороший организатор. Королевству такие люди тоже нужны. Но нужны и те, кто с оружием в руках будет защищать свою землю от захватчиков, которые разоряют и грабят, будут грабить нашу землю, наши дома.

– Я понимаю, ваша Светлость.

– Это хорошо. Заодно продумай вопросы по организации питания большого количества войск. Денег тебе дадут, ты, главное, вовремя подсуетись, чтобы всю живность с этой стороны переправили на ту. Ты понимаешь, о чём я?

– Конечно, ваша Светлость. Чтобы французам не досталась.

– Правильно. Не им, но нам. Предупреди всех, кто живёт на левой половине королевства. Правая половина, если не дураки, поймут сами. Армии нужны будут дрова, котлы,

еда, вода, лопаты, носилки и прочее, чтобы рыть редуты. Что сможешь заготовить – заготовь. Я тебя не забуду. Ты понял меня?

– Да, ваше Величество.

– Молодец. Ты, действительно, на своём месте. Как я уже сказал, я тебя не забуду. Потом. Когда война кончится. А она должна закончиться нашей победой. Иначе быть не должно. И ещё – здесь много французских шпионов и наших, за деньги продавшихся их. Ходи, слушай. Те, кто со мной за столом, и тот, что был, но уехал, мои преданные люди. В случае чего, обращай сразу к ним. Скажешь, я приказал. Вопросы есть? Нет. Хорошо. Иди, мне надо отдохнуть. К рассвету подготовь еды и хорошего вина нам в дорогу. Путь в столицу долог, сам понимаешь. Иди.

– Всё будет сделано, ваше Величество, и к утру, и вообще.

– Я в тебе не сомневаюсь.– Надо же дать хоть моральный стимул своим подданным. Не всё же время казнить, пороть и вешать. А то я уж больно разошёлся в последнее время.

***

Проснулся я от грохота грубых солдатских сапог. Прогромыхав и проскрипев досками, кто-то в нерешительности остановился за дверью.

– Джон, это тебя что ли опять принесла нелёгкая?

– Ваша Светлость, как вы узнали меня?– удивлённо спро-

сил он.

– Запах твоих портянок разбудил меня, когда ты только начал подниматься по лестнице.

– Э-э, ваша Светлость. Я спал на втором этаже вместе с Генрихом.

– Не понял, у вас с ним любовь что ли? Почему ты спишь с ним, а не со служанкой, какой хотя бы?

– Бог с вами, ваша Светлость. Скажете ещё. Это ж образное выражение. Нам хозяин поставил две кровати и даже принёс кувшин вина. Слабенького, правда, но дарёному коню в зубы не смотрят.

– Хозяин, говоришь? Молодец, даже здесь подсуетился и успел подумать, чтобы вы не мучились похмельем в дороге, и я потом не ругался. Напомни мне о нём потом как-нибудь. Надо же будет сказать ему спасибо.

– Так мы уже сказали ему спасибо.

– Ты не понял. То вы, а то – я. Короче, просто напомни. Лошади готовы.

– Да, ваша Светлость.

– Говори просто – сэр. Позавтракаем в дороге. Возьми еду и едем. У нас мало времени. Вечером я провожу совещание во дворце, а нам надо будет ещё переодеться. Не можем же мы явиться на совет такими оборванцами. Как думаешь?

– Да я, ваш милость, сэр, завсегда готов. Конечно. Во дворце всё ж.

– Вот и я так думаю. Поехали.

Хозяин постоянного двора вышел проводить нас во двор, но я лишь издали кивнул ему, и он, опять же, молодец, не стал проявлять холопски – притворной любезности и подбострастия и сохранил моё инкогнито.

– Запоминайте местность. Здесь воевать уж точно будем. Я рисую, а вы запоминайте. Наверняка у них и карты точной нет, раззявы. Эй, кучер, постарайся нас доставить в столицу хотя бы не затемно.

– Постараюсь, ваша Светлость. Лошадей нам дали хороших. Хозяин двора распорядился. Доберёмся. Не беспокойтесь.

– Хм. И этот с Милости уже перешёл на Светлость. Вот что значит, простые мужики – узнают всё и сразу.

Наш кортеж отъехал всего лишь на пару миль от ночлега, как с юга потянуло сыростью, ветер погнал впереди себя пылевые тучи, а вскоре от горизонта до горизонта небо затянуло серым тяжёлым госпитальным матрасом, под которым было также грязно и противно. Небо опустилось до уровня верхушек и без того хилых деревьев. Было ощущение, что мы попали в пещеру, в которой, вдобавок, со всех сторон дули сквозняки. Дожда не было, но кое-где мелькали искры далёких молний, настолько далёких, что за шелестом колёс и цоканьем копыт вообще не было слышно рокота грома. С недовольной мордой своего лица я высунулся в окно.

– Ваша Светлость, давно такого не было. Повезло нашему острову – южанин подул.

– Ну и что? Не вижу повода к веселью.

– Как же, ваша Светлость, мы сейчас в открытом море, значит, нас понесёт аж до самых вечной ледниковой гряды. Будет холодно, но на земле затянется много ям, земля укрепится, реки станут полноводными. Это значит, что скотину можно будет пасти и на других лугах. Голода не будет. Для населения острова хорошо.

– А болота? Болота тоже затянет или они замёрзнут?

– Болота? А, болота, не-е. Хляби подтянет, что конь пройдёт, но телега завязнет. Но, если айсбергами зажмёт, то и болота могут замёрзнуть. Такое тоже бывало даже в мою бытность.

– Вот так сюрприз. – Прошептал я. – Это я еду до столицы почти триста миль, а французы пойдут всего сотню. Напрямую. И по земле Карлуши, советников которого ещё надо убедить в надвигающейся опасности. Надеюсь, в их тайной канцелярии есть трезвомыслящие люди. Хорошо хоть болота останутся, но левый фланг обнажён. А если они вообще высадутся на восточной стороне острова. Им и одного захудалого пирса хватит, чтобы высадить пехоту. Возможно, и лёгкую кавалерию. А вот артиллерию придётся тащить с юга. Интересно, большой замок у короля и как он укреплён? И Жака отослал, не спросишь. Ладно, французы хотели провести апперкот, а мы сделали пару шагов назад и набрали дистанцию. Если у них войско уже на кораблях, то это дело времени. Под парусом они нас догонят в два счёта. Да-а, и

выкатывай колоду для рубки мяса, в смысле королевских голов. Вот развлечений у черни появится.

Далеко на севере ещё немного потрепыхалась умирающая полоска солнечного света и, пару раз вздохнув, исчезла во мраке. Вскоре остановился и кэб. В форточку загляну кучер.

– Ваша Светлость, сейчас поедем. Я только на глаза лошадей мешочки надену и поедем. Ветер уж сильный больно, глаза лошадям запорошит, вообще встанем.

– Конечно, скотину надо жалеть, это мужиков бабы ещё нарожают, а лошадей с материка возят.

– Правильно, ваша Светлость, вот что, значит, учёный человек.

– Генрих! Джон! – прокричал я. – Завязывайте головы лошадям и давайте ко мне, пересидим немного непогоду и поедем. Да и кучера забирайте сюда.

Позаботившись о лошадях, все собрались в маленькой комнатке кэба.

– Ну, что сидим? Кого ждём? Не знаете, где лежат припасы? Доставай. Наливай. Насколько помню, я дал хозяину команду положить мне бутылку рома. Наши российские моряки иногда привозят его и подторговывают. У нас его нет, так покупают за хорошие деньги.

– Э, ваша Светлость, ром такая же гадость, как и всё. Нет ничего лучше, чем водка, настоящая на можжевельнике да туда ещё мёду чуть-чуть добавить. Сказка. А когда простынешь, так первое средство. Испытанное средство.

– Эх, сейчас бы грога или глинтвейна. Как представлю, что этот горячий комочек спускается по желудку вниз, согревая всё тело. А потом ещё и икнёшь травками. Красота.

– А я, помню, ещё юнгой ходил на военном корабле, пришли раз в Японию, а там купаются в огромных бочках.

– Нашёл чем удивить. Так и наш король купается.

– Да ну, брешешь.

– На кой мне. У нас в роте служил бывший камердинер короля, виконт. Болтал много, вот его и сослали на каторгу. Откупился, но попал в солдаты. Рядовым. Всё лучше, чем в рудниках.

– Повезло. Откупиться денег хватило.

– Да, повезло. Правда, его через полгода убило. Шальная пуля.

– Да, не повезло.

– Почему? Вжик и всё. Я помню, разорвалось ядро возле строя нашей роты, так мне так бок разодрало, что три месяца лечился. Рана ещё тогда загноилась. Короче, чуть не помер. А ты говоришь.

– Всё познаётся в сравнении.

– Э, господа придворные, скажу я вам, не знаете вы, что такое наша русская баня. Небольшая изба из брёвен. Печкой нагревают воздух – плюнешь, аж слюна кипит. На печке огромные камни раскалённые. Плеснёшь на них воды, а воде прежде настоишь трав, или пива хмельного, так этот пар по всей бане. Жжётся, как укус шмеля. В бане делают лежаки,

так на самом верхнем не выдержишь. Хотя есть и такие, что выдерживают. Посидишь в такой бане минут двадцать, а потом голышом в снег. Вот это красота, я понимаю.

– Прямо в снег? Голышом?

– Конечно. Не будешь же одеваться – раздеваться десять раз. А можно и в прорубь. Но туда я не рисковал. Мне снега вполне хватало.

– Я думал всё это враки. Ан, нет. А у нас можно такую баню построить?

– Конечно. Хоть я не видел здесь хороших деревьев, но можно и из досок сделать. А внутри желательно берёзой оббить.

– Да. С деревьями здесь тяжело – растут, а потом начинают чахнуть.

– Наверное, маленькая толщина грунта. У деревьев же корни глубоко под землю уходят, а у нас внизу лёд.

– Наверное. Но теперь мы можем даже брёвна на материке заказать. Главное от француза отбиться.

– А мы отобьёмся, ваша Светлость?

– В чём вопрос. Конечно. – Ответил я уверенным тоном с легкой усмешкой великого полководца. – А не отобьёмся – секир башка будет. – Добавил я мысленно. И мне что-то взгрустнулось. – Так, господа, у меня ночью запланировано срочное совещание. Вы, обормоты, всё равно отсыпаться будете или в пабе пиво пить, а мне государственные дела решать, а потом ещё их и делать. Я – спать, а вы – тихо жевать,

не чавкать, мне не мешать. Понятно? Сидим тихо, ждём пока ветер немного не утихнет, и в путь. Задача ясна? Выполнять.

Вытянув свои длинные ноги под лавку, попробовал пробраться в царство морфея. Может там получится вызнать планы коварных французов.

***

Есть очень удачно приобретённые привычки, несмотря на то, что были приобретены они в армии. Например, засыпать в любых условиях и в любой позе. Не прошло и пяти минут, как уже тихо посапывал, устроившись в уголочке. Сквозь сон я почувствовал, как меня заботливо укрыли одеялом, и совсем разомлел.

Но как же они любят будить меня не вовремя. Вот опять.

– Ва-ша Свет-ло-о-сть, подъём. Приехали. Просыпайтесь, ваша Светлость, мы уже около дворца.

– Уже? А ветер закончился?

– Нет. И, говорят, не закончится всю неделю, а потом течение нас оторвёт ото льдов и понесет назад.

– А куда?

– А кто ж знает, ваша милость. Может, один Господь и знает. Может, к Англии – матушке, а, может, и мимо протасит, аж до самых свеев. И такое бывало.– Вмешался в разговор кучер.

Распрашивать больше было не о чем, и мне пришлось

просыпаться.

– Нас ждут великие дела, ваше Величество.– С таким напутствием самому себе я вытащил себя из уютной каморки и потащился к себе во дворец. Не заблудиться бы в нём. Интересно, есть здесь дворецкий, чтобы сказать ему

– Проводи меня до спальни, голубчик.– Хотя и дворецкий здесь какой-нибудь виконт. Да ну и что. Я король – что хочу то и делаю. Мне всё можно. Сейчас как разозлюсь. Не успел.

Большие дворцовые двери распахнулись и на улицу вышли человек десять в белых париках, красивых расшитых золотом и серебром камзолах. На некоторых из них были разноцветные брюки, а на некоторых – высокие гольфы. Ещё бы я знал, кто есть, кто и почему так одеты по-разному! Всё как в России – те же попугаи. Но в России часть можно хотя бы в Сибирь сослать, а здесь куда? Карлуше в оппозицию? Придётся терпеть. Какая паршивая работа у царя.

– О, знакомые всё лица. Если не ошибаюсь, герцог де Кале?

– Не ошибаетесь, ваша Светлость. Король Карл, милостиво пожаловав вам половину королевства, попросил меня оказывать вам всяческую помощь и, если потребуется, советы. По любому вопросу.

– Весьма признателен Его величеству Карлу Девятому. Я не против, тогда ведите меня, знакомьте меня и со мною. Прошу. Как вы понимаете, я ещё не знаю куда идти. Пока.

По бокам дежурные улыбки и любопытные взгляды моих

новых подданных, с тревогой ожидающих, чего же ждать от этого русского из далёкой Московии, где зимой по улицам городов спокойно гуляют медведи. Да, вот такие мы – русские.

Мы вошли в холл, и пошли по анфиладе помещений, периодически проходя сквозь заранее открываемые ажурно украшенные двери. По ходу дела герцог указывал и называл отдельные помещения и комнаты.

– Герцог, будьте добры, скажите, чтобы всех военначальников собрали у меня в кабинете.

– Не беспокойтесь, ваша Светлость, все уже ожидают вас в вашем кабинете. Ваш человек Жак передал мне ваше распоряжение.

– Прекрасно. Тогда мне надо умыться с дороги, переодеться и я готов.

– Гардеробмейстер и портные ожидают возле вашей спальни, где уже находится подогретая вода для купания.

– Мне приятно, что характеристика короля Карла соответствует вам полностью. Вы умеете организовать и предугадать.

– За столько лет службы, ваша Светлость, и всё одно и то же. Люди редко меняют свои привычки, а элементарные физиологические потребности, так вообще неизменны. Да и низменны тоже.

– Согласен. Всё равно приятно.

– У меня служба такая, ваша Светлость.

– Герцог, называть меня постоянно ваша Светлость долго. Называйте меня просто – сэр. Точнее, сир.

– Но, ваша Светлость, сир относится к королевской категории, а на подаренной вам половине всего два герцогства, а графств ещё меньше, чем ...

– Знаю, знаю. Я знаю, что вы взяли за основу нормы французского короля Филиппа Красивого, где нормой являются четыре герцогства или шестнадцать графств. Знаю. Но я прибыл из Московии, а там у нас по-другому. А раз уж я ваш лорд, а вы мои вассалы, то и правила устанавливаю я. Тем более, мне сейчас нужна будет абсолютная власть. О причине этого узнаете чуть позже на совещании. Кстати, попробуйте найти хорошую, т.е. подробную карту острова. Она нам понадобится. Оберкамергер у меня есть?

– Да, сир. Вот он стоит у входа в вашу спальню. Рядом его камердинеры. Гардеробмейстер со слугою сейчас принесут ваше платье. На случай, если одежда немного не подойдёт, ваш портной на месте устранит недостатки. Разрешите представить вам вашего оберкамергера барона Дуглас, а вот подошёл и ваш гардеробмейстер виконт Стаффорд. Кстати, племянник самого лорда Стаффорда.

– Я не обращаю внимания на заслуги предков. Для меня главное, что из себя представляет сам человек, а не его дед или прабабушка. В дальнейшем представляйте только по фамилиям, без подробностей. Мне они не интересны. Пока.

– Я вас понял, сир. Прошу.

– Спасибо. Я вас не задерживаю. Встретимся в кабинете. Надеюсь, барон Дуглас меня проводит. Кстати, барон, судя по вашему взгляду и поджатым губам, я уже не попал в число ваших любимчиков? Ничего, главное, чтобы вы мне понравились, и мне не захотелось вас заменить на кого-либо. Даже, если я вам не понравился своею прямою, то не надо это так откровенно показывать выражением морды своего лица. По крайней мере, до тех пор, пока я ваш сюзерен. Вы должны лишь угодливо улыбаться мне и любому гостю, что приедет ко мне, или почтит меня своим присутствием. Я имею в виду короля Карла Девятого. – И не дожидаясь, пока он откроет мне дверь, я с силой распахнул её и вошёл в свою спальню.

– Это что? Здесь раньше спала младшая дочка короля? Что за цвета?! Разве настоящий мужчина, рыцарь может жить в таких размалёвочках, в таких цветах? Я вам не английский ублюдок, который больше охоч за молоденькими мальчиками, а не за воинскими подвигами!

– Но, ваша Светлость, это самая лучшая комната на этой половине дворца, и поэтому ваш главный распорядитель герцог де Кале распорядился подготовить её для вас. – Немного надменно ответил мне барон.

– Барон Дуглас, – ещё более надменным тоном произнёс я, – вы, если не изменяет мне память, назначены моим оберкамергером, т. е. ответственным за королевские апартаменты? Или вы хотите, чтобы я требовал выполнения этих обязанностей с виконта, отвечающего за портных, бельё и га-

лантерею? Если да, то скажите, и я сокращу вашу должность вместе с вами. За любой вопрос, за любой промах по вашей службе отвечаете лично вы. Вы, а не конюх. Вы или соглашаетесь и делаете, или объясняете, доказываете неправильность или вредность такого совета тому, кто вам это приказывает. А приказать вам могу только я – ваш сюзерен. Остальные имеют право только советовать или высказывать своё мнение. По крайней мере, теперь так будет. Считаю, инцидент исчерпан. Я не знал вас, а вы не знали моих требований. Теперь вы их знаете. Господа, вы свободны. Ожидайте меня в моём кабинете. Виконт и портной ожидайте меня вон за тем столиком. Остальные свободны. Купать меня не надо. Я ещё не такой дряхлый старик, а на бывшие до меня ритуалы мне... не интересны. В России говорят – новая метла и метёт по-новому. Свободны.

Я подождал, когда эта куча придворных, камердинеров и прочей челяди покинет комнату, после это спокойно, с предвкушением окунания в тёплую воду, разделся и погрузился в огромную, как и мечтали мои преданные придворные, бочку. Я не ошибся в своих ожиданиях. В меру горячая вода, вот что значит обслуживать короля, лёгкий расслабляющий аромат трав и небольшая табуреточка на дне, это как раз то, что мне и надо было. С умилением и умиротворением прикрыл глаза. Так бы и лежал бесконечно, но это треклятое постоянное чувство ответственности всегда держит меня в напряжении. Так и стресс заработать недолго. А мне это надо?

Через силу заставил себя понежиться пару лишних минут и начал интенсивно натирать себя какой-то маслянистой тряпкой. Потом, отшвырнув её в сторону, смыл всё с себя просто руками. Ох уж эти мне аглицкие штучки. В чистом теле – здоровый дух и это правильно.

– Так, кто здесь хочет меня одеть? – Проговорил я, вылезая из бочки. – Давай твои тряпки, что ли. Не май месяц на дворе. – Проворчал я, вытираясь огромным бархатным полотенцем. – Кто вытирается таким? В следующий раз дай что-нибудь попроще, типа льняного или тонкого полотна. Это совсем воду не впитывает. Так, покажи сначала издали, что мне натягивать придётся, может, пугалом выглядеть буду.

– Что вы, ваша Светлость, это камзол по самой последней моде. А размер ваш нам подсказал сэр Иоанн.

– Да вроде бы ничего. Давай, показывай, как туда слезать. Облачившись с помощью портного и виконта в этот последний крик моды, подошёл к зеркалу у стены. На меня смотрел высокий, представительный немного смазливый, но в меру, джентльмен.

– Неплохо. Вышивка ручная?

– Конечно, ваша Светлость. Это единственный экземпляр и специально для вас.

– Ага, прям так за сутки моей езды успели и камзол сшить, и вышивку сделать.

– Ваша Светлость,

– Я, – перебил его, – такой же полновластный сюзерен, как

и король Карл Девятый. И земель у меня ровно столько же. Поэтому называй меня просто – сир. Продолжай.

– Сир, я меня, как уважающего себя портного, конечно же, имеется запас уже пошитых камзолов. Нам оставалось лишь сделать вышивку и подогнать по фигуре, если оно вам не подойдёт.

– Уговорил. Мне нравится. Как со стороны?

– Отлично, сир.– Произнёс виконт.

– Это со стороны восторженных зрителей. Их мнение понятно, а что скажет профессионал? Все подогнано? Всё на месте?

– Да, сир. Я доволен результатом моей работы.

– Отлично, что наши мнения совпали.

– Виконт, банщик, что налил мне воду и портной – это первые люди, что доставили мне удовольствие, найдите способ поощрить их за старание и заботу о короле. Я знаю, что это их работа и обязанность, но пусть и начало моего пребывания здесь, начнётся с приятного для кого-либо. Ведите, виконт, меня в кабинет, нас ждут великие дела.

***

Как ни странно показалось для меня, но мы прошли через пару смежных комнат и поднялись на второй этаж, ступая по толстой меховой дорожке кроваво-красного цвета. По бокам лестницы на первом этаже по оригинальному замыс-

ду расположились небольшие приподнимающиеся львы, из белого гранита, а на втором этаже – аналогично, уже стоящие и встречающие гостей своими разинутыми пастьями, с вкрапленными туда клыками из красного гранита. Смотрелось эффектно и красиво.

– Виконт, а цвет дорожки, наверное, специально подбирали, чтобы часто не менять после дворцовых переворотов и убийства, при этом, королей – неудачников?

– Что вы, сир. О дворцовых переворотах наши придворные знают лишь из французских романов.

– Понятно.

У входа в мой кабинет, по бокам двери, стояли два рослых гвардейца, а паре шагов ближе, – ещё более рослый и могучий офицер в красивом красном камзоле, расшитом золотистыми львами, стоящими на задних лапах.

– Сир, ваш главный Прево отеля маркиз Истмен.

Как и положено грозному сюзерену, я небрежно кивнул и внимательно осмотрел вначале его, а потом и его солдат.

– Сколько у вас подчинённых, маркиз?

– Во дворце пятьдесят четыре, ваша Светлость, простите, сир. А всего – ровно пять тысяч рядовых, ротмистров и унтер офицерских чинов, триста офицеров, два полковника и шесть гвардейских капитанов при дворе, сир.

– Мало. А впрочем, это только королевская гвардия. У нас же есть ещё и армия, а, возможно, и флот.

– Нет, сир, военного флота у нас вообще нет. И не было.

– Плохо. Ладно, пошли.

По команде солдаты распахнули передо мною двери и тут же, но сразу за дверью, прозвучало

– Сир Владимир Первый де ля Рашен!

– Вольно. Садись. – Ответил я больше по привычке.

Но все остались стоять. Правильно, я же никого ещё не привилегировал своей милостью сидеть в моём присутствии. Пускай стоят. Надо чтобы сразу почувствовали, кто в доме хозяин, тем более, в таком здоровом. Я прошёл сквозь кабинет я занял моё кресло. И никак иначе.

– Герцог? – Обратился я к своему распорядителю, намекая ему, что уже можно и нужно начать представлять мне собранных и собравшихся.

– Сир, по вашему приказу я собрал всех, кто тем или иным образом может влиять на обороноспособность нашей страны. Разрешите представить вам раздатчика милостыни, главу нашей дворцовой церкви кардинала Йоркширского. Обершталмейстер маркиз де Тре.

– Француз? – Сразу же спросил я.

– Настолько далёкий, сир, что я даже не знаю языка своих предков.

– А как к ним относитесь?

– Только дальним родством, сир. А так, что саксы, что бритты, что галлы – мне всё равно, сир.

– Дальше.

– Ваш главный сокольничий граф Хорст. И, наконец, ваш

коннетэбль барон Смит.

– Хорошо. Господа, как говорят у нас в России, сэры, джентльмены, я был вынужден вас вызвать столь срочно, потому что вопросы государственной безопасности должны стоять всегда превыше всего и, тем более, превыше собственных интересов. Наверное, вы слышали о покушении на короля Карла, возможно, вам, как и мне, уже доложили, что покушавшиеся были присланы кардиналом Франции. Слава Богу, покушение не удалось, но угроза с устранением исполнителей не исчезла. Мало того, из источников, пользующихся доверием, стало известно, что устранение короля лишь первый этап экспансии, которое должно было привести к сумятице, неуверенности в наших рядах, возможно, к борьбе за трон. Французские войска или уже начали грузиться на корабли, или сделают это в ближайшее время. И хотя мы несколько отдаляемся от берегов Франции, но для опытных мореплавателей, а таковыми французы являются однозначно, ветер в шесть – семь баллов не преграда. Хуже того, судя по постоянно меняющему своё местоположение солнцу, нас при движении ещё и вращает вокруг своей оси. Мы даже не можем предположить, куда и где причалит противник к нашей земле. Наша армия не воевала. Офицеры не имеют опыта боевых действий. Я видел солдат, вооружённых фитильными ружьями, которыми воевали ещё лет двести назад. У нас хотя бы пушки есть? Нет смысла вам напоминать, что захватнические войны имеют и экономические цели. Поми-

мо корыстных, конечно. Сюда придут новые графы, новые лорды. Им нужны будут новые земли. Вы – владельцы этих земель, в их картинку не вписываетесь, т.е. вас, вместе со мной, однозначно, ликвидируют. Не сошлют, а убьют, чтобы устранить возможный источник угрозы в будущем. Я думаю, вам это понятно. Герцог, что у нас с картой? Расстелите её на столе. Коннетабль, вы, как глава всех наших вооружённых сил, расскажите, что мы имеем, и чем это вооружено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.